

Трехглавый дракон современного кризиса
(учение классиков марксизма о кризисе капиталистического общества; *философско-методологический аспект*).

The three-headed dragon of the modern crisis (theory of classical Marxism on the crisis of capitalist society; *philosophical and methodological aspects*)

Коряковцев Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры Социологии, философии и культурологии Уральского государственного педагогического университета (УГПУ), г. Екатеринбург, Россия

akoryakovtsev@yandex.ru ; 89126916126; 620024, Екатеринбург, ул. Плодородия, 11-7. SPIN-код: 2411-4360; AuthorID: 506023; ORCID: 0000-0002-1745-0361.

Koryakovtsev A.A., Ph. D., associate professor of Sociology, philosophy and cultural studies chair, Ural state pedagogical University, Ekaterinburg, Russia. akoryakovtsev@yandex.ru SPIN-код: 2411-4360; AuthorID: 506023; ORCID: 0000-0002-1745-0361.

Аннотация.

В статье анализируется учение классиков марксизма о кризисе капиталистического общества, взятое в философско-методологическом аспекте. Наибольшее внимание уделено «популярному очерку» Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». Ленинская теория империализма показана как развертывание на новом историческом материале идей, высказанных Марксом в «Капитале». Маркс считал, что концентрация, централизация и монополизация капиталистического производства представляет собой созревание предпосылок «экспроприации экспроприаторов», канун социальной революции, открывающий путь к посткапиталистическому общественному устройству. Ленин обращает внимание на новые тенденции в этом процессе и делает вывод, что монополистический капитализм – это конец «свободного рынка» или, иначе говоря, что империализм есть конец «чистых» капиталистических форм. Эта

мысль перекликается с идеей Маркса, высказанной им в Предисловии к первому тому «Капитала»: начинается эпоха превращения капиталистического способа производства. В статье мы предпринимаем краткий обзор послевоенной истории, рассматривая три ее эпохи («социальное государство» (включая советское общество), неолиберализм и неомеркантилизм) как формы превращения капиталистического способа производства на основе его незавершенного отрицания. Этот процесс мы трактуем как нисходящее развитие капитализма или как его системный кризис. Ни Маркс, ни Ленин не могли предвидеть всей его сложности и затянутого характера. Но в рассматриваемой ленинской работе содержатся указание на два фактора, которые стали условием этого: «обуржуазивание» промышленного класса («оппортунизм») и зарождение в монополиях неэкономических, бюрократических, связей.

Т.о., для характеристики современного капитализма совсем не обязательно опровергать Маркса и Ленина. Однако требуется сменить марксистскую социологическую оптику на более дробную. Это позволит перейти от абстрактных схем советского истмата к более точному, диалектическому, отражению экономических реалий современности.

Ключевые слова: империализм, монополия, кризис, рабочий класс, В.И. Ленин, К. Маркс, превращенная форма, капитализм, неолиберализм, неомеркантилизм.

Abstract

The article analyzes the teaching of the classics of Marxism about the crisis of capitalist society, taken in the philosophical and methodological aspects. The most attention is paid to Lenin's «popular essay» «Imperialism as the highest stage of capitalism». Lenin's theory of imperialism is shown as unfolding on new historical material the ideas expressed by Marx in «Capital». Marx believed that the concentration, centralization and monopolization of capitalist production represented

the maturation of the prerequisites for the «expropriation of expropriators», the eve of the social revolution, opening the way to a post-capitalist social order. Lenin draws attention to new trends in this process and concludes that monopoly capitalism is the end of the «free market» or, in other words, that imperialism is the end of «pure» capitalist forms. This idea echoes Marx's idea expressed in the Preface to the first volume of «Capital»: the epoch of conversion of the capitalist mode of production begins. In this article, we take a brief overview of post-war history, examining its three eras (the «social state» (including Soviet society), neoliberalism, and neomercantilism) as a forms of conversion of the capitalist mode of production on the basis of its incomplete negation. We interpret this process as a downward development of capitalism or as its systemic crisis. Neither Marx nor Lenin could have foreseen its complexity and protracted nature. But the Lenin work under consideration contains an indication of two factors that became a condition for this: the «bourgeoisization» of the industrial class («opportunism») and the emergence of non-economic, bureaucratic ties in monopolies.

Thus, to characterize modern capitalism, it is not necessary to question Marx and Lenin. However, it is necessary to change the Marxist sociological optics to a fractional one. This will allow us to move from the abstract schemes of the Soviet «historical materialism» to a more accurate, dialectical reflection of the economic realities of our time.

Key words: imperialism, monopoly, crisis, working class, V. I. Lenin, K. Marx, converted form, capitalism, neoliberalism, neomercantilism.

Введение.

В 2008 году капиталистическую экономику потряс экономический кризис. С тех пор уже много раз либеральные СМИ рапортовали о его преодолении. Но мир накрывала новая кризисная волна. Их было три: в 2008 – 09, 2013 – 16 и в 2020 году. Есть все основания для того, чтобы объединить их все в один кризис

– «Большой», по новейшей классификации В. Колташова [Колташов 2019]. Ибо, хотя между ними и наблюдалось экономическое оживление, но оно не приводило к устойчивым потокам инвестиций, к стабильному массовому спросу, следовательно, к неослабевающему экономическому росту и спад экономики начинался опять.

Более того: кризис углублялся и ширился. Он перешел на сферы политических, социальных и культурных отношений в еще недавно процветавших странах (США, Великобритания, Франция, Дания и т.д.) и способствовал росту забастовочного движения, обострению повсюду в странах ЕС социальных конфликтов на культурной почве в связи с наплывом беженцев. В европейском сообществе усилились националистические, сепаратистские и евроскептические настроения, проверяющие на прочность политические связи, сложившиеся после II мировой войны. В итоге существование самой неолиберальной экономической модели, в рамках которой развивалась последние десятилетия западная экономика, было поставлено под вопрос.

Т. о., следует признать, что кризис, начавшийся в 2008 году, продолжается уже более 10 лет и уже побил рекорд длительности, по крайней мере, среди кризисов послевоенного времени.

В данной статье мы обсудим причины его затяжного характера с точки зрения методологических приемов марксистской классики. Для этого нам необходимо обсудить особенности современного капитализма. Исходная точка его развития определена в «популярном очерке» Ленина (так он определил жанр своего произведения) «Империализм как высшая стадия капитализма», написанном в 1916 году во время эмиграции в Цюрихе.

Свое исследование Ленин начинает с анализа двух фактов, о которых сообщали многие ведущие экономисты того времени: 1. укрупнение и концентрация промышленности; 2. переход ведущей роли в экономике от находящихся друг с другом в свободной конкуренции мелких, средних и крупных частных предприятий к *монополиям*. Монополия есть так же частное предприятие, но она возникает в результате поглощения одних частных предприятий другими и по этой причине она исключает всякую конкуренцию, иначе говоря, исключает свободный рынок.

Следующей чертой «нового капитализма» Ленин считает новую роль банков [Ленин 1969, 326]. Если раньше шла речь о концентрации капиталов и монополии в сфере производства, то теперь речь идет о вытеснении свободной конкуренции в сфере организации финансов и денежного обращения. Социологически и политически это выражается в образовании особой социальной страты – *финансовой олигархии* [Ленин 1969, 344] или финансово-промышленной элиты, концентрирующей в своих руках управление производством и капиталами.

Остальные черты «нового капитализма» Ленин выводит из его новой монополистической организации. Ничем не ограниченная конкуренция из сферы национального рынка вытесняется в область международных отношений: 1) «вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение»; 2) «образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир»; 3) «закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами» [Ленин 1969, 386 – 387].

Захват монополиями «свободного рынка» (включая все эти следствия) Ленин считает достаточным, чтобы прийти к выводу, что в обществе произошел переход от «старого» капитализма к «новому», иначе говоря, к выводу о

структурной перестройке или *превращении* капиталистического способа производства в сфере его *организационных форм*.

Важно заметить, что данные изменения не замыкаются только на экономике, а касаются всего общества в целом и, так или иначе, трансформируют, *превращают* все общественные связи. Что означает господство монополий в сфере общественных отношений? Это означает, что вместо «свободы, равенства, братства» в их буржуазно-демократическом выражении, вместо горизонтальной связи между «свободными индивидами» – этой *idée fixe* либерализма, выраженной практически в виде соперничества равных по своему социальному статусу и политико-правовым возможностям экономических субъектов, происходит установление связи *вертикальной*, иерархической. Монополии стремятся поглотить не только «свободный» бизнес. Они, в той или иной политической форме, стремятся поглотить и гражданское общество как живую совокупность спонтанно развивающихся социальных отношений. Насколько успешно это им удавалось или удастся сделать и в какой политической форме – это определяется гражданским сопротивлением. Известная «антиутопия» Джека Лондона «Железная пята», опубликованная в 1908 году и художественно отразившая эти процессы, предвосхищает в этом смысле исследование Ленина. Конечно, и раньше в сфере бизнеса имелось неравенство, капитал дробился на мелкий, средний и крупный. Но теперь это неравенство было закреплено в устойчивой *иерархии*, которая уже не нависала извне над капиталистическим способом производства наподобие феодальной или государственно-бюрократической, а породилась им самим и пребывала *внутри* его самого. В результате этого «либеральные свободы» и оформляющая их представительная демократия – необходимые политические условия внутриклассовой и межклассовой борьбы – *формализуются*. Монополия, вырастающая как аппендикс на теле капиталистического способа производства, содержит в себе зародыш

неэкономических, силовых, политико-административных [Ленин 1969, 362 – 363], а точнее говоря, *бюрократических общественных отношений*. В XX веке это нашло свое воплощение в режиме «управляемой демократии», впервые описанном М. Хоркхаймером [Хоркхаймер 2011, 173]. Кажется, что в сфере идей происходит возвращение к «дискурсу» раннебуржуазной эпохи, эпохи П. Бейля, Дж. Локка и Вольтера, когда «либеральные свободы» являлись *желаемой* целью борьбы буржуазии с «авторитарным» государством. Так обычно представляет произошедшую метаморфозу либеральная пропаганда. Но в действительности в руках монополий сама идеология либерализма становится не более чем инструментом политической манипуляции и раздражителем политических и экономических конкурентов, как это было в советскую эпоху во время «холодной войны», а позже – в эпоху неолиберализма [Харви 2007, 52-55]. При этом первоначальное освободительное содержание либеральной идеологии естественным образом выхолащивается [Голдберг 2012].

Монополия, т. о., предстает как результат отрицания частного капитала внутри самого капитализма, как форма *обобществления* производства: «Когда крупное предприятие становится гигантским и планомерно, на основании точного учета массовых данных, организует доставку первоначального сырого материала в размерах: 2 / 3 или 3 / 4 всего необходимого для десятков миллионов населения; когда систематически организуется перевозка этого сырья в наиболее удобные пункты производства, отделенные иногда сотнями и тысячами верст один от другого; когда из одного центра распоряжаются всеми стадиями последовательной обработки материала вплоть до получения целого ряда разновидностей готовых продуктов; когда распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей (сбыт керосина и в Америке и в Германии американским «Керосиновым трестом»); – тогда становится очевидным, что перед нами налицо обобществление производства» [Ленин 1969, с. 425].

Но поскольку это обобществление остается еще в пределах самого капиталистического способа производства, то оно еще *формально* и является не более чем его *незавершенным отрицанием и превращением*. Как позже станет очевидным, это – исторически *первое* превращение капитализма.

Коль скоро «свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще» [Ленин 1969, 385], а ей на смену пришел империализм, который исключает свободную конкуренцию, то из этого Ленин логично делает вывод, что последний представляет собой «канун социальной революции пролетариата» [Ленин 1969, 308], канун возникновения посткапиталистического общественного устройства. Капитализм утрачивает прогрессивную, творческую общественную роль. Это означает «паразитизм» его империалистической стадии, заключающийся в том, что господство монополий и финансовой олигархии оформляется как «государство-ростовщик» [Ленин 1969, 398], которое заинтересовано не в производстве и развитии национальной промышленности, а в финансовых спекуляциях, вывозе капиталов и колониальных захватах.

Так на страницах ленинской брошюры возникает совсем иной образ буржуазии и капитализма, чем на страницах «Манифеста коммунистической партии» (1848 г.). Авторы «Манифеста», при всем своем антибуржуазном пафосе, превозносили буржуазию как класс, который «не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений» [Маркс, Энгельс 1955b, 427]. Ленин же описывает империалистическое «государство-рантье» как «государство паразитического, загнивающего капитализма...» [Ленин 1969, 399]. Классики не противоречат друг другу. Просто они говорят о разных периодах развития капиталистического способа производства.

Ленинские эскапады против «загнивающего» капитализма в советское время вызывали обычно только скептическую усмешку у обывателя, особенно на фоне кризиса самой советской системы 80-х годов. Но после распада СССР неолиберальные государства, десятилетиями пытавшиеся реставрировать «свободный рынок», выглядят как наглядный учебный материал к ленинской работе. К тому же, нужно заметить, что, говоря о «загнивании» капитализма, Ленин имел в виду не только и не столько снижение материального уровня жизни трудящихся, как обычно представляют себе его критики. «Загнивание» капитализма он связывал с тем, что в либеральной идеологии получило название «тоталитаризм», против которого современные либералы якобы борются: «Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций — все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм» [Ленин 1969, 422]. Эти слова Ленина подтверждают множество фактов постсоветской истории: бомбардировки странами НАТО Югославии, Ирака, Ливии, Сирии, ограбление Греции германскими банками [Шенэ 2017, 40-46], разорение постмайданной Украины [Манчук 2017] и т.д. «Паразитирующий» и «загнивающий» – не всегда «умирающий», но всегда мешающий жить другим.

Т. о., можно сказать, что капиталистическая *формационная эпоха* в своем «чистом» виде, в отличие от своих предшественниц, «прогрессивных эпох экономической общественной формации» [Маркс 1959, 7] («азиатский, античный, феодальный ... способы производства») просуществовала недолго – примерно лет двести, чуть более или чуть менее, в зависимости от конкретной страны (если в Англии – более двухсот лет, то в России – чуть более полувека). Капитализм в своем «чистом» выражении *саморегулирующегося рынка* оказался самым нежизнеспособным – и самым динамичным – общественно-

экономическим строем, если, конечно, понимать под ним не идеологию, а именно особую общественную систему, основанную на определенном способе производства.

Очевидно, что он так же представлял собой и самое нестабильное общество в истории. Едва жирная туша буржуазных отношений расползлась по европейскому континенту в начале XIX века, ее стали терзать конвульсии внутренних противоречий в виде экономических кризисов. В XIX столетии они являлись несколько раз: в 1803, 1810 – 20, 1825, 1847 – 50, 1857 – 58, 1866, 1873 – 78, 1890 – 93 и 1899 годах. При этом кризисы капитализма становились мировыми в той степени, в какой он завоевывал мир.

Кроме того, в XIX столетии не менее часто происходили социальные кризисы в виде политических революций: в 1830, 1848, 1870 – 71 годах. Ленин справедливо назвал их волнами единого революционного процесса [Ленин 1968, 239-304]. Причем, они предстают в своей целостности не только и не столько как совершенствование буржуазно-либеральных институтов власти (а лишь на это, как правило, обращает внимание либеральная историография [Киселева 2000; Ревякин 2000]), но и как преддродовая схватка, подготовка и прообраз всей *мировой социальной революции первой половины XX века*, до неузнаваемости преобразившей капиталистический мир.

Описанные Лениным новые черты капиталистического способа производства составляют отправной пункт общественного развития в XX веке. Они определили не только достижения современного капитализма, но и его кризисы, правда, не в той форме, какую предполагал сам Ленин и не с тем результатом, на который он надеялся. Однако, как это ни парадоксально прозвучит, данное обстоятельство не дает права упрекать его в теоретических ошибках или отклонении от марксистской методологии. Чтобы объяснить этот парадокс, мы должны предпринять небольшое методологическое исследование.

Прежде всего, обратим внимание на то, что Ленин пишет о *разных* капитализмах. Он проводит различие в самом капиталистическом способе производства и обращает внимание на разницу между его моделями, которые он представляет, как *этапы его развития*. Подобную постановку вопроса для его эпохи можно считать новаторской. Ранее в марксистской традиции, пожалуй, только сам Маркс подошел вплотную к подобной идее. (Можно еще вспомнить исследование Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» [Гильфердинг 2011], использованное Лениным. Но оно лишено таких обобщений, какие имеются в ленинской работе.) Так, в 1867 году, в Предисловии к первому тому «Капитала», он замечает: «теперешнее общество не твердый кристалл, а организм, способный к *превращениям* и находящийся в постоянном процессе *превращения*» [Маркс 1960а, 11] (выделено мной – А.К.). Этот тезис остался не развернутым, «Капитал» стал исследованием «чистых» (взятых в собственной логике) форм капиталистического способа производства, как однородное целое (имеется в виду не его внутренняя структура, а единообразие внешней формы).

Однако действительно, вся последующая история капитализма, в особенности, XX век – это история *превращенных форм* [Мамардашвили 1970] капитализма, до сих пор остающихся мало изученными.

Ленин развивает идею Маркса о превращении капитализма на новом историческом материале и воспроизводит его логику. Данный тезис пусть докажет отрывок из первого тома «Капитала», которому предшествует рассмотрение буржуазного поворота Нового времени: «Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией <у Ленина *монополизацией* – А.К.>, или экспроприацией многих капиталистов немногими,

развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда, втягивание всех народов в сеть мирового рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. *Монополия капитала* (выделено мной – А.К.) становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация <у Ленина *монополизация* – А.К.> средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [Маркс 1960b, 772 – 773].

Маркс схватывает тенденцию в самом общем виде. Он ее не проблематизирует. Это не случайно: для этого в его время еще не было накоплено достаточно исторического материала, который своей массе появился позже, в эпоху мировой революции начала XX века, в эпоху Ленина, который и начнет анализ первых форм превращения капиталистического способа производства – но только начнет. Трагедия Маркса и Ленина в том и состоит, что они не видели и не могли видеть результатов тех процессов, которые они фиксировали и драматическому развитию которых они способствовали своей

политической деятельностью. Они исходили из наличных фактов, но противоречивая природа этих фактов эмпирически еще не была раскрыта.

Тем же самым объясняются методологические проблемы марксистских школ, сформировавшихся в первой половине XX века.

Разницу между моделями капитализма можно увидеть, только если сменить оптику рассмотрения общественных процессов. Или, как удачно выразился современный экономист В. Колташов, перейти от вычленения текущих частных к макрокопированию (к рассмотрению на большом расстоянии), чередуя это взгляд как бы с большой исторической высоты на крупные общественные события и процессы с микрокопированием, с погружением в частности, в детали той или иной ситуации [Колташов 2019]. Вы не увидите никаких различий внутри предметов без микрокопирования, точно так же, как вы не поймете, как этот механизм работает и куда направлены важнейшие изменения, и какие изменения являются важнейшими без макрокопирования. Без их диалектического совмещения процесс познания останется неполон.

Однако насколько полно рассмотрен тот или иной предмет (насколько он доступен для анализа) – это зависит главным образом от степени развернутости предметных свойств. В своем незрелом состоянии предмет сам отличает себя от «иного», он находится еще «в-себе» как «твердый кристалл», выражая свои внутренние различия и противоречия только непосредственно, в «чистом», идеальном виде, без всякого рода искажений и примесей, неизбежно возникающих при практическом проявлении. Поэтому на этой стадии анализ его внутренних свойств и противоречий будет неполным: они сами по себе еще не развились, не явили миру свою подлинность. Максимум, что здесь можно сделать – обозначить наиболее вероятные тенденции его развития. Но все будет иначе, когда предмет вполне созреет и расцветет во всей своей сложности, когда

он представит миру свое внутреннее конкретное многообразие. Только тогда его анализ сможет стать наиболее многосторонним.

Так сама марксистская методология, материалистическая диалектика, заставляет нас прибегнуть к иной социологической оптике, более дробной, нежели классическая «марксистско-ленинская» дихотомия понятий «капитализм-социализм». Последняя остается в *принципе верной* для обозначения долговременных и глобальных общественных процессов, но оказывается совершенно недостаточной в силу своей абстрактности для рассмотрения общественного развития, происходящего *здесь и теперь*, в современную эпоху господства превращенных капиталистических форм. Согласно Ленину, общество рубежа XIX – XX веков имело характер, переходный к социализму. Но если этот переход в полной мере еще не завершен (что очевидно), если он обернулся переходом между разными *моделями* капитализма (что так же очевидно), которые сами имеют переходный характер, то оппозиция понятий «капитализм-социализм» не отражает все оттенки этих превращений капиталистического способа производства, все переливы его переходных моделей, все формы его разложения. В новых исторических условиях отказ от этой понятийной оппозиции в пользу понятий меньших по объему значений, есть отказ от догмы в пользу анализа и синтеза действительных знаний о новых общественных процессах и о новых общественных отношениях. Этот отказ *внешне* напоминает берштейнианскую формулу «движение все, конечная цель – ничто». Но, во-первых, данный прием лишен политического значения. Во-вторых, социальные причины, оправдывающие его использование, состоят в том, что реализация практической цели рабочего движения – удовлетворение потребностей эмпирических трудящихся – стало возможной в силу частичного преодоления капиталистического способа производства в результате революционных движений начала XX века – т. е., в обнаружении того факта, что цель социалистического движения на практике уже есть *кое-что*.

Итак, согласно Ленину, развитие капитализма «чистого», либерального, свободного от монополий и от контроля со стороны независимой от буржуазии бюрократии, завершается перерастанием в монополистический, а на рубеже столетий – в государственно-монополистический капитализм – *империализм*. Он является предшественником мировой антикапиталистической революции, открывающей социалистическую перспективу общественного развития. В этом учении Ленин повторяет логику Маркса. Обычно, когда хотят указать разницу между этими двумя мыслителями в данном вопросе, говорят, что Маркс имел в виду развитые капиталистические страны, а Россия в начале XX века не являлась таковой. Но Россия явно *развивалась* по капиталистическому пути и данное замечание не имеет никакого смысла без указания точной степени развитости, при которой может произойти антикапиталистическая революция. Такого указания у Маркса нет. Тем более что именно наиболее «развитым» капиталистическим странам, таким, как США, Франция и Великобритания, удалось избежать революции, подобной той, которая произошла в России в 1917 году. Революционные события в других капиталистических государствах (Германии, Австро-Венгрии, Испании, Италии) закончились явно не так, как хотели революционеры.

Кажется, что ленинская теория империализма, а с ним вместе и классический марксизм как таковой, оказались опровергнуты самим историческим развитием: в «развитых» странах революционное движение было погашено реформами, детище Октябрьской революции – СССР – потерпел крах. Потом произошла «реставрация» капитализма на всем постсоветском пространстве, после чего «социальное государство» на Западе было свернуто и почти повсеместно вернулись социальные практики, свойственные как раз той

модели капитализма, о «загнивании» которой писал Ленин. Даже нынешний кризис не порождает революционной альтернативы, ограничиваясь протестными движениями, чьи требования далеки от последовательной программы «могильщика капитала».

Однако суть в том, что эта ситуация выглядит как опровержение идей Маркса и Ленина, если только рассматривать ее с внеисторической, абстрактной позиции, сквозь призму понятийной дихотомии *социализм-капитализм* без их исторической конкретизации. Эта понятийная пара напоминает двцветный кубик Рубика и не важно, в чьих он руках, сторонника левых или правых идей: несмотря на мировоззренческую разницу, они легко сложат одинаковый узор, изображающий поражение социалистического движения. Только один этим будет доволен, а другой нет.

Но это ложная картина, вызванная ошибочно выбранной социологической оптикой.

Ленин оказался прав: с капитализмом свободной конкуренции, *саморегулирующегося рынка*, покончено навсегда. Вызвав к жизни революционные производительные силы, он не справился с ними. В условиях непрекращающихся мировых и локальных войн он подчинился революционному и реформистскому движению промышленного пролетариата, приспособился к потребностям индустриальных трудящихся. Произошло это в первые десятилетия XX столетия, в результате следующей *структурной перестройки* или следующего *превращения*, принявшего вид *мировой социальной революции*. Ее общественным итогом стало «социальное государство» («Sozialstaat», «welfare state»).

Данное понятие, рожденное в лоне гегельянства (оно предложено немецким гегельянцем Лоренцом фон Штейном в 1850 году), не отражает сути обозначаемого феномена и нуждается в уточнении. Тождество государственных и общественных интересов, подразумеваемое им – отнюдь не абсолютно, оно

исторически обусловлено. Оно является результатом предыдущей классовой борьбы и скрывает фундаментальные противоречия не только между классами, но и между государством и гражданским обществом как таковыми. Стоит отметить так же, что любое государство – *социально* по своим истокам и условиям существования, поэтому нет смысла противопоставлять по критерию социальности одно государство другому. «Социальное государство» – это отнюдь не характеристика государственности самой по себе, а название особой социальной политики правящих слоев, направленной на регулирование рынка с целью повышения стоимости совокупной рабочей силы. Это инструмент управления гражданским обществом, а *не субъект* управления. Как инструмент управления, оно может использоваться совершенно при разных режимах и экономических моделях. Социальный субъект, создающий «социальное государство» и его разрушающий, может быть одним и тем же.

В марксистских школах сложилась традиция сводить «социальное государство» к «подкупу» рабочего класса, на который идут правящие круги, чтобы не допустить революцию. Эта традиция восходит к самому Ленину [Ленин 1969, 423]. Мы не станем ее оспаривать, только заметим, что в XX веке «социальное государство» стало нечто большим, чем просто правительственной взяткой рабочему классу. Подобные «взятки» делались и раньше: вспомним социальные нововведения Наполеона III или Бисмарка. Тогда это было простой благотворительностью господствующего класса, не меняющей ничего в самом существе общественных связей.

Но в середине XX столетия колоссальные масштабы этих «подачек» стали симптомом деформации самого капитализма, они обозначили накопление его дисфункции как конкретного способа производства: в обществе произошло *частичное* замещение стихийных рыночных связей *механизмами сознательного опосредования общественных отношений*. Иначе говоря, рыночная стихия отступила, возросло значение *сознательного элемента* в общественном

управлении, увеличилась роль планирования и прогнозирования экономических процессов, рынок стал *управляемым* экономическими, политическими, административно-правовыми и культурными рычагами.

На основе *механизмов сознательного опосредования общественных отношений* и, следовательно, на основе растущей роли высшей бюрократии и укрепления ее политической монополии, сложилась система *перераспределения* общественного продукта. Она включает в себя разного рода формы *неэкономической оплаты* совокупной рабочей силы в виде социальных программ и «бесплатных» социальных услуг. Причиной почти повсеместного роста жизненного уровня трудящихся здесь стало не просто ограбление колоний (на это упирает Ленин). Грабить их буржуазия может, и не делаясь с пролетариатом. Непосредственной причиной преодоления абсолютного обнищания рабочего класса в «развитых» капиталистических странах стало ограничение, *незавершенное отрицание* частной собственности и рынка в форме государственного управления и на этой основе созданные институты социально ориентированного перераспределения. Работа этих институтов увенчалась тем, что промышленный пролетариат интегрировался в чиновничье-буржуазную экономическую и политическую систему общественных связей. Он стал, как бы выразился Маркс, «центром накопления капитала», «в результате чего стирается его определенность как рабочего» [Маркс 1968, 233 – 234]. Так возникает феномен *классовой полифонии*, когда один и тот же общественный индивид выполняет роли разных, даже противоположных, классов, когда он имеет разные источники дохода и, соответственно, выполняет разные классовые роли. Например, наемный рабочий, трудящийся на частном промышленном предприятии, может иметь счет в банке (быть рантье), обладая садовым участком, продавать урожай или заниматься извозом на собственном автомобиле (выступать в роли мелкого буржуа/парцеллярного крестьянина), пользоваться разного рода государственными «бесплатными» услугами

(находиться в ситуации административной зависимости) и т.д. Иначе говоря, в данном обществе отношения найма и извлечения прибавочной стоимости («классические» признаки капиталистического способа производства) переплетаются или даже вытесняются отношениями бюрократической ренты и административной зависимости (клиентелы). Рабочий класс, продолжая быть классом производителей, одновременно оказывался классом собственников и потребителей («средним классом» на слэнге современной социологии).

Это социально ориентированное перераспределение само по себе представляет собой ущемление частного характера присвоения в пользу присвоения общественного или частичное обобществление общественного продукта. Перед нами – уже не филантропия, имеющая временный и ограниченный, «индивидуально адресный», характер, а системное социально-адресное перераспределение, результат структурной перестройки всех общественных отношений или *социальной революции*.

Произошедшие изменения подразумевают, что общество пронизали иерархические связи, на верхушке которых находится бюрократическая корпорация, точнее, высшая политическая бюрократия («гранбюрократия» [Колташов 2020] или «техноструктура» [Гэлбрейт 2004]), находящаяся в симбиозе с различными группами крупного капитала, то с промышленным капиталом, то с финансовым. Нередко она действует и самостоятельно, без оглядок на капитал вообще, поглощая его, как это произошло в Советском Союзе и социально родственных ему странах или дистанцируясь от него, как сейчас (в 2020 году) в России. Она воплощает монополию политического управления гражданским обществом в духе «бонапартизма», только ставшего *системным*, играя роль «разводящего» в отношениях гражданских корпораций. Ее преимущество перед буржуазией состоит в наименьшей зависимости от рыночной стихии, а ее благосостояние зависит непосредственным образом не от прибавочной стоимости, а от бюрократической *ренды*, условием которой

является *политическая монополия*. Поэтому она исходит из задач и интересов управления, а не прибыли. Это является причиной наличия у нее большей, по сравнению с буржуазией, экономической, политической и идеологической рациональности, гибкости и маневренности, которые позволяют ей проводить такую политику, которая может идти вразрез с интересами капитала.

В конце своей работы 1916 года Ленин прибегает к двойному цитированию: он цитирует Шульце-Геверница, который, в свою очередь, приводит слова Сен-Симона: «Теперешняя анархия в производстве ... должна уступить место организации производства. ... Это дело будет находиться в руках известного социального учреждения. Центральный комитет управления, имеющий возможность обзирать широкую область социальной экономики с более высокой точки зрения, будет регулировать ее так, как это полезно для всего общества...» [Ленин 1969, 426]. Ленин упрекает Шульце-Геверница за то, что тот предпочитает Сен-Симона Марксу, но при этом марксистский классик не ставит под сомнение описанную французским мыслителем тенденцию, называя мысль о ней «гениальной догадкой» [Ленин 1969, 426].

Центральный комитет управления, о котором пишет Сен-Симон, и есть *высшая политическая бюрократия*, возникающая из описанного Лениным процесса *формального обобществления*, проводимого монополиями в рамках капиталистического производства.

Картина будет неполной, если мы не отметим, что «гранбюрократия» господствует не только в рамках национальных государств, но и на международном уровне, представленная политическими институтами, регулируемыми международными отношениями. Их примером может служить ООН, но особенно они развились и расширили свое влияние вплоть до бесцеремонного вторжения в экономику, политику и культуру суверенных государств в неолиберальную эпоху. Речь идет об МВФ, ВТО, ВБ и т.д. Можно

сказать, что неолиберальная глобализация привела к господству международной «гранбюрократии».

Сбылось пророчество Каутского: «С чисто экономической точки зрения не невозможно, что капитализм переживет еще одну новую фазу, перенесение политики картелей на внешнюю политику, фазу ультраимпериализма», т.е. свехимпериализма, объединения империализмов всего мира, а не борьбы их, фазу прекращения войн при капитализме, фазу “общей эксплуатации мира интернационально-объединенным финансовым капиталом”» [цит. по: Ленин 1969, 391]. Завершенной формы этот процесс не обрел и Ленин, ругающий Каутского за эту идею, оказался прав. Но как макросоциальная *тенденция*, препятствующая мировым войнам, «гранбюрократический ультраимпериализм» существует с середины XX века до сих пор. Конечно, подобные институты возникли вовсе не в силу внезапного добросердечия власть и собственность имущих; они возникли как их ответ на две мировые войны, на угрозу ядерной катастрофы, на острую классовую борьбу прежней промышленной эпохи. Об этом мог бы в защиту своей идеи упомянуть Каутский, защищаясь от нападок Владимира Ильича, – да откуда ж ему знать обо всем этом в самом начале XX столетия?

Речь здесь идет о *переходном* общественном состоянии, выходящем, хотя бы отчасти, за пределы «чистого» капиталистического способа производства, о *превращении* последнего. Поэтому вполне обосновано говорить о *социализме*, точнее – об определенной его стадии. Задача заключается только в том, чтобы определить, о *каком* социализме в этой связи можно говорить, не покидая почву марксизма. Будем помнить, что и сами классики в «Манифесте» выделяют несколько социализмов, отличных от «первой стадии коммунизма»: «реакционный», «феодальный», «мелкобуржуазный» и даже «буржуазный» [Маркс, Энгельс 1955, 448-453].

Перед нами, хотя еще и не социалистическое *общество*, но уже социализм *институализированный*, представленный в виде государственных учреждений и лишь в сфере перераспределения производимых обществом продуктов в пользу тех, кто их производит. Это такое состояние общественной перераспределительной системы, когда она выполняет задачу повышения совокупной стоимости рабочей силы, обеспечивая расширенное воспроизводство личностей трудящихся и освоение ими общественного богатства. Это непосредственная институализация *незавершенного процесса отрицания капитала и рынка*. Или: это *распределительный социализм* в духе проектов сенсимонистов и прудонистов, социализм *паллиативный*, и, коль скоро он заключается в интеграции рабочего класса в систему консьюмеризма, – социализм *мелкобуржуазный* и *мещанский*, чья противоречивая природа была раскрыта Марксом [Маркс 2010, 364-365], но, тем не менее, это – именно *социалистическое* общественное образование, таящее в себе перспективу некапиталистического общественного развития. Коль скоро здесь не частный интерес собственников и не возможности их капиталов определяют спрос и потребление, а совокупные финансовые возможности и потребности трудящихся, превращенных в центр накопления капитала, то перед нами – не что иное, как *экономическая диктатура пролетариата* – но пролетариата, чья самостоятельность не выходит за рамки экономических («мелкобуржуазных», «мещанских», «потребительских») требований. Это и есть то, что Маркс назвал «политэкономией <читай: буржуазной наукой, буржуазным проектом> рабочего класса».

В экономической ситуации 50-х – 60-х годов экономическая диктатура пролетариата капиталистам была выгодна: они получили массового покупателя своих товаров, получателя кредитов и социальную стабильность. Кроме того, была и политическая выгода: чересчур идейные левые оказались нейтрализованы. Продолжая бороться «против капитализма», они боролись уже

против социальной повестки, монополизированной государством и против самого рабочего класса. Так в условиях «социального государства» началась трансформация классовой природы левых партий и профсоюзов: из классовых организаций они превращались в организации чисто номенклатурные, бюрократические, имеющие собственные цели (отличные от целей эмпирического пролетариата) и логику развития, и смотрящие на социальные низы лишь как на объект управления. Эта метаморфоза прикрывалась разными идеологическими воплощениями: от догматизма сталинских и марксистско-ленинских партий до критики потребительского поведения трудящихся левыми интеллектуалами (верной, но в тех условиях бессильной).

Классовая структура капитализма так же подверглась *превращению*: зависимость друг от друга буржуазии и рабочего класса ослабла, зато усилилась зависимость их обоих от государства. Возник массовый феномен, который мы назвали выше *классовой полифонией*. *Частная собственность стала всеобщей* [Маркс 1974, 114], всеобщим стало и сознание частных собственников [Маркс 1974, 114; Коряковцев и др. 2017, 605-606].

Согласно Марксу, рабочий класс существует, только *самостоятельно* борясь против капитала, без этой борьбы он только его придаток [Маркс 1955а, 54]. По этой логике, во второй половине XX века, в условиях «социального государства» «западного» или советского типа, произошло первое, *духовное, самоуничтожение* революционного рабочего класса. Этот факт зафиксирован в двух классических исследованиях эпохи: «Adieux au prolétariat» А. Горца и «Одномерный человек» Г. Маркузе.

Возникновение «общества без оппозиции» (Г. Маркузе) обозначило очередное превращение капитализма. Вспомним рисунок Маленького принца: если удав сожрал слона, он принимает форму слона. Так и капитализм, уничтожив революционный рабочий класс, вынужденно изменился, «социализировался». Конечно, капиталистический способ производства со

всеми его кризисами и мерзостями никуда не делся, он не стал гуманнее! Но над ним стали доминировать *механизмы сознательного опосредования социальных связей* в виде правового регулирования («западный вариант») или плана (советский вариант), да еще в довесок к ним – институты социально ориентированного перераспределения. Социологически все это означало *политическое поражение гражданской буржуазии* и эмансипацию – нет, не рабочего класса, у него не появилась потребность после восьмичасового рабочего дня еще и управлять производством – а *высшей политической бюрократии*.

Эти три исторических итога нового превращения капитализма: 1. самоуничтожение революционного промышленного рабочего класса; 2. политическое поражение гражданской буржуазии; 3. возвышение бюрократической верхушки – не вписываются в теоретические рамки подавляющего большинства марксистских школ. Эти школы только *риторически* продолжают учение Маркса. На деле же они противоречат ему, ибо по отношению к рабочему классу реализуют бюрократическую установку господства: он ими мыслится как ведомый, просвещаемый «сакральным» знанием, носителем которого является только «революционная» номенклатура. Самим же трудящимся остается лишь роль объекта управления.

Зато эти три факта заставляют нас вспомнить идею Маркса, что *рабочий класс обладает революционностью, только если он политически самостоятелен, и он самостоятелен, только если он революционен* [Маркс, Энгельс 1955b, 437]

Дает ли современность нам примеры революционной самостоятельности рабочего класса?

Нет.

Массовый социально-психологический тип промышленного трудящегося, воспитанный в условиях «общества потребления», отказался от борьбы за

конечные цели пролетарской революции, которые были сформулированы Марксом и Энгельсом в «Манифесте»: освобождение от господства капитала и создание бесклассового общества.

Однако не будем по этому поводу морализировать: благодаря данной системе межклассового компромисса, просуществовавшей, правда, недолго, исчезла массовая нищета, и это произошло впервые в истории стран Европы, Азии и Северной Америки. Если рассматривать цель пролетарской революции не как реализацию абстрактных лозунгов, а как создание таких общественных условий, при которых удовлетворялись бы потребности эмпирического рабочего класса, то эта цель оказалась достигнутой. Промышленный пролетариат отказался от дальнейшей борьбы не потому, что потерпел поражение, а потому, что *победил*, но так, как только и мог победить в условиях промышленного производства: заставив буржуазию и высшую бюрократию не только создать систему социально ориентированного перераспределения, но и обратить ее на пользу трудящихся. Благодаря этому социальные низы, в невиданных ранее исторических масштабах, получили возможность осваивать предмет культуры и самим создавать его. Всякий класс заканчивает свою социальную эмансипацию освоением культуры свергнутого класса. Так французская буржуазия подражала дворянам во время режима Реставрации. Трудящиеся середины XX века освоили буржуазную культуру потребления, результатом чего стала «массовая культура» – культура *буржуазного пролетариата*.

Пролетарский «оппортунизм» приобрел столь масштабные размеры (захватив впоследствии и «социалистические» страны), что попытки Ленина объяснить его «временным загниванием» [Ленин 1969, 404], «подкупом» и успехами буржуазной пропаганды [Ленин 1969, 423] выглядят неубедительно. В подобном поведении закономерно раскрылась противоречивая социальная природа рабочего класса индустриальной эпохи: *он способен противостоять*

капиталу, но не способен противостоять самому себе, как источнику капитала.

Если в обществе отсутствует революционный класс, способный на самостоятельную политику, если многочисленные попытки левых энтузиастов организовать по примеру Ленина партию как «авангард трудящихся» постоянно терпят крах, поскольку созданные политические организации либо остаются немногочисленными сектами, либо встраиваются в господствующие политические структуры в качестве «системных партий» – как в России, так и повсюду в мире, то это означает лишь одно: общество способно развиваться лишь за счет противоречий *внутри господствующего класса*. В этом случае общественное развитие определяется борьбой между организованными группировками властей. Часто эти группировки свои и общественные проблемы стараются решать за счёт низов, используя в своих целях их протестные настроения, как это произошло в 1991 году на всем постсоветском пространстве, а в 2013-14 годах на Украине.

Антагонизм противостоящих классов в данном обществе воспроизводится, но он выходит на поверхность социальной жизни не в виде борьбы правящего класса и социальной силы, представляющей практическую альтернативу его господству, а, поскольку подобная альтернатива практически отсутствует, в виде таких форм политического противостояния, которые, по сути, являются лишь специфической формой *классового партнерства*. Иначе говоря, основное противоречие капитализма – противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения – в данном обществе сохраняет свое значение. Но острота его проявлений гасится в силу стабильно удовлетворяемых базовых потребностей трудящихся, либо их вновь приобретенных идеологических иллюзий. Кроме того, неэкономическая оплата совокупной рабочей силы означает, что ее носители находятся в административно-правовой зависимости от государства. Т.о., в данном

обществе на противоречие между трудом и капиталом накладывается противоречие между управляемыми гражданами и высшей политической бюрократией. Классовый конфликт между трудом и капиталом не выражается непосредственно, как при либеральной модели капитализма, он дополняется и опосредуется конфликтом между гражданским обществом и государством. Это двойное противоречие при стабильно работающей социально ориентированной системе перераспределения и в условиях преобладания массового потребительского сознания сообщает данной общественной модели исключительную стабильность. Монополия власти уравнивается превращением трудящихся в *бюрократическую клиентелу*.

Уязвимость национального «социального государства» кроется в другом: в дефиците ресурсов. Расцвет социально ориентированных перераспределительных практик, в особенности на Западе, приходится на первые послевоенные десятилетия, когда природные ресурсы были относительно дешевы. Но они критически дорожают вследствие краха колониальной системы в середине XX века и последующего становления независимых государств, каждое из которых воспользовалось правом распоряжаться ими в своих интересах при неослабевающем росте их мирового массового спроса. Так, например, произошло в 1973 году и обусловило крупнейший в истории энергетический кризис [Ергин 2011]. Несколько волн кризисов перепроизводства в последующее десятилетие окончательно обескровили западное «социальное государство». Оно оказалось не менее «ресурсозависимым», нежели его советский вариант. Как показал венгерский экономист Янош Корнай, дефицит ресурсов есть порождение особой экономической модели [Корнай 1990], а не симптом оскудевания природы, как полагает современная вульгарная общественная наука, идущая на поводу «зеленого» популизма.

Рецептом выхода из кризисной ситуации стал *неолиберализм*.

Пришедшие к власти в 70 – 80-х годах в западных странах неолиберальные правительства представляли собой симбиоз финансового капитала и высшей бюрократии при ведущей роли первого [Харви 2007, 48; Шенэ 2017]. Они декларировали возврат к «свободному рынку» и «либеральным ценностям» эпохи буржуазно-демократических революций, но эти лозунги они осуществили в соответствии со своими специфическими социально-политическими и социально-экономическими возможностями и целями. Доктрина «свободного рынка» предполагает приоритет прибыли над «социальной ответственностью бизнеса» даже за счет национальных интересов. В новых условиях это означало необходимость максимально удешевить национальную рабочую силу. Но удешевить ее мгновенно было невозможно, не вызвав грандиозного социального взрыва. Поэтому к вывозу товаров и капиталов был добавлен вывоз производств и технологий в страны с более дешевой рабочей силой. Это привело к ликвидации целых отраслей национальной промышленности, сокращению национального индустриального пролетариата [Харви 2007, 86]. Новые отряды рабочего класса, в виду их меньшей концентрации, неорганизованности и идейной дезориентации не представляли уже для капитала опасности. Неолиберальная политика правительств была поддержана многими профсоюзами, а так же мелкой и средней буржуазией, которую в новых экономических условиях стало тяготить налоговое бремя [Харви 2007, 58 - 87].

Важно подчеркнуть, что неолиберальная попытка буржуазной реставрации победила не благодаря заслугам капиталистов перед обществом (идеологи капитализма сами отрицают эти заслуги, провозглашая безусловную ценность частного, а не общественного, интереса), а благодаря тому, что пролетариат в предыдущую эпоху сам стал буржуазным по своему мировоззрению и психологии, разделяя ценности и логику капитализма.

Так промышленный рабочий класс капиталистического «ядра» был уничтожен второй раз в новейшей истории, но уже вместе со своей *материальной основой*, со средствами производства, которые были экспортированы в Третьи страны. Власть и собственность имущие получили возможность сократить объемы общественного продукта, перераспределяемого в пользу трудящихся. Это было сделано под прикрытием красивых слов об «адресной помощи», о «борьбе с социальным иждивенчеством» и т.д. «Золотая эпоха» welfare state закончилась.

Казалось бы, капиталистический мир пережил *реставрацию* и вернулся к своей либеральной модели, некролог которой написал Ленин 1916 году. Но не будем спешить с выводами.

Дело в том, что на практике неолиберальные правительства сохранили механизмы, регулирующие рынок, лишь переориентировав их с удовлетворения общественных потребностей на удовлетворение интересов финансового капитала и высших эшелонов государственной бюрократии [Харви 2007, 58-89; Шенэ 2017]. При этом политико-административные связи продолжили господствовать над связями экономическими (особенно в России, где преобладает бюрократическая рента в виде специфической «экономики откатов»). Нигде *гражданская буржуазия* не вернулась к политическому господству, а экономика – к домонополистическому состоянию. «Социальное государство» *институционально, формально* сохранилось. Почти повсеместно остались важнейшие социальные завоевания революционной эпохи: восьмичасовой рабочий день, пособия по безработице, больничные бюллетени, отпуска, хотя бы частично – «бесплатные» здравоохранение и образование и т.д. Сократился лишь объем перераспределяемого в пользу трудящихся общественного продукта, т.е., снизилась стоимость совокупной рабочей силы. Неолиберализм с точки зрения собственных задач остался лишь идеологией, «политикой, основанной на вере» [Стедмен-Джоунз 2017, 401], так и не став

практикой, *последовательно* реанимирующей «доимпериалистическую» модель [Харви 2017, 31]. Он доказал практически, что возврат к свободному рынку и к безраздельной власти *гражданской буржуазии* не только общественно опасен, но *уже* невозможен, утопичен. Капиталистический способ производства в данной социально-экономической модели воспроизвелся, но в качестве *уклада*, управляемого политико-правовыми инстанциями. Подчеркнем повторением: *когда* скоро это произошло, Ленин в своем понимании империализма как завершения восходящего капиталистического развития, оказался абсолютно *прав*.

Итак, мы видим, что после эпохи Ленина капитализм продолжил свое существование в «подавленном» или *превращенном* виде. Совокупность этих превращений, деформирующих капиталистический способ производства, составляет его *системный* кризис, который нужно отличать от *структурного*. Последний преодолевается самим капитализмом. Он есть симптом его нормального развития и воспроизводства. Первый свидетельствует, что в собственных недрах капитализма начинают зарождаться новые социальные отношения. Они заключаются в процессах обобществления, которые в рамках индустриального производства имеют еще *формальный* характер.

Т.о., в развитии капиталистического способа производства необходимо различать две фазы: *восходящую* и *нисходящую*. Восходящая фаза представляет его рост и расцвет, нисходящая – *системный кризис* целостной системы общественных отношений. Если в первой только зрела общественная потребность в превращении капитализма (в экономических и политических кризисах-революциях), то вторая связана с утверждением его *превращенных форм* – форм его разложения. Если в *первой* буржуазия пыталась побороть описанную Марксом тенденцию нормы прибыли к понижению, делая капитал эффективным за счет расширения рынков и ухудшения уровня жизни трудящихся, то во *второй* мировая экономическая система развивалась в

условиях относительной стабилизации нормы прибыли: либо в форме ее *максимизации*, как в западных госкорпорациях или ТНК [Гэлбрейт 2004], либо в форме ее *минимизации* посредством государственного регулирования рынком и общественным спросом, как в обществах «реального социализма», представлявших собой лишь другой вариант *превращения капиталистической системы* (но ни в коем случае не капитализм как таковой, даже не «государственный»). Если признаком *восходящей* фазы являются экономические трудности для тех, кто лишен собственности на средства производства, в результате чего «низы не хотят жить, как прежде» [Ленин 1973, 300], то признаком фазы *нисходящей* являются экономические и политические трудности для самих собственников капиталов. Эти трудности связаны с исчерпанием прежних способов и форм организации хозяйства, что заставляет собственников искать новые, ибо собственники в изменившихся условиях «не могут хозяйничать и управлять, как прежде» [Ленин 1973, 300]. Отнюдь не внезапный приступ филантропии, а нестабильность рынков, появление новых отраслей производства и технологий, отсутствие спроса на выпускаемую продукцию в силу массовой неплатежеспособности, а так же экономическая и политическая борьба промышленного рабочего класса, заставили буржуазию в середине XX столетия принять кейнсианскую стратегию «эффективного спроса», повышающую стоимость совокупной рабочей силы, значит – заставили согласиться с ведущей экономической ролью *высшей бюрократии*.

Признаки революционной ситуации, открытые Лениным, имеют своими причинами разные социальные процессы. Их наложение друг на друга и обусловило мировой революционный катаклизм первой половины XX века. В ходе него выяснилось, что преодолеть *структурный кризис* капитализма возможно, только углубляя его *системную перестройку*, поддерживая его воспроизводство лишь благодаря институтам «социального государства». Так в полном соответствии с марксистской теорией оказалось, что сам капитализм

создает свое собственное самоотрицание, и не только в виде класса, но уже и в виде институтов. Причем, это происходит не тогда, когда он плодит нищету (как полагают анархисты и некоторые марксистские школы), а как раз тогда, когда он ее *преодолеывает*, создавая условия личностного роста трудящихся и их самодеятельности. Размышления Маркса о *непосредственно-общественном* (всеобщем или универсальном) *содержании*, производимом капитализмом как предпосылке антикапиталистического переворота [Маркс 1960b, 772; Маркс 1968, 228 – 229], *дополняют* и *усложняют* схемы Манифеста Коммунистической партии.

4

Широко известны слова классика о том, что неравномерное экономическое развитие есть коренное, неизбежное условие и предпосылка капиталистического способа производства [Ленин 1969, 359 – 360]. Не трудно увидеть влияние этого тезиса на учение И. Валлерстайна о «периферийном» капитализме и капиталистическом «центре». Принято считать весь постсоветский мир капиталистической «периферией», а капиталистическим «центром» – старые буржуазные державы, даже не ставя вопрос о разнице их общественных отношений. Учение о «периферийности» российского капитализма [Кагарлицкий 2011; Кагарлицкий 2016a] препятствует пониманию специфики российского общества, да и не только его, а в целом всего послевоенного мирового развития. Коль скоро повсюду мы имеем капиталистические общества, то складывается впечатление, что смена «периферии» на «центр» – это лишь дело роста капиталистической экономики в странах «периферии». Именно так и представляет себе дело либеральная и лево-либеральная оппозиция в России: надо этот рост только подправить, либо «оптимизировать», либо «социализировать».

Однако в условиях затянувшегося экономического кризиса, ни о каком качественном росте экономики говорить не приходится – и не только в России, но и повсюду в мире. Этот кризис, а потом и последующие его волны стали результатом хозяйничанья в мировой экономике высшей политической бюрократии, находящейся в симбиозе с финансовой олигархией и торгово-спекулятивным капиталом. Выход из кризиса оказался невозможным в рамках неолиберализма, в рамках правил «Вашингтонского консенсуса». По этому поводу сложилась точка зрения, что современный кризис – это кризис не столько капитализма как такового, сколько его неолиберальной модели [Кагарлицкий 2016b, 35]. С этим необходимо согласиться. Сомнения вызывает тезис, что преодоление неолиберализма *непосредственно* связано с восстановлением системы социально ориентированного перераспределения.

В своем прежнем состоянии (середины XX столетия) эта система возникла и пережила свои лучшие годы на волне рабочего движения, в результате политического и экономического взаимодействия профсоюзов, левых партий, буржуазных кругов и высшей бюрократии. Сейчас, в начале второго десятилетия XX века, общественная ситуация не дает надежд на такое сотрудничество. Своеобразие продолжающегося ныне мирового общественного кризиса, его отличие от всех, без исключения, предыдущих социальных кризисов капиталистической эпохи, предсказанных Д. Риккардо, описанных К. Марксом, Н. Кондратьевым и Дж. М. Кейнсом, в том, что это – не только и даже не столько кризис собственно капиталистического способа производства. Это еще и кризис сил, борющихся против него. Во всем мире разворачивается кризис не только и не столько экономической власти и отношений экономического господства (в самом по себе этом нет ничего нового), сколько кризис революционного движения буржуазной эпохи в лице его идеологий, социальных сил, проектов общественного преобразования и его объективных итогов (прежде всего, имеются в виду те, которые ставит себе в заслугу

либерализм (особенно левый), социал-демократия и политический коммунизм, стало быть, это *их* кризис как идеологий и политических практик). На наших глазах разворачиваются три кризиса, взаимно дополняющих и взаимно определяющих друг друга: кризис неолиберализма (*структурный*), кризис капиталистического способа производства и кризис буржуазного общества как кризис антикапиталистических общественных движений (два последних образуют *системный кризис*). Современный кризис *трехглав*, подобно сказочному дракону. Это говорит об особенностях протекания текущих кризисных явлений, объясняет их затяжной характер и определяет перспективы их развития и возможный их исход.

Т.о., перед нашими глазами разворачивается кризис многослойный и многосоставной. Он не только глобален в смысле широты географического распространения, но и, самое главное – он *всеобщ* по степени охвата вглубь социальной структуры современных капиталистических обществ, ибо затрагивает капиталистический способ производства не только со стороны капитала или его отдельных форм, но и со стороны *труда* как элемента, социального источника капитала. Противоречие между трудом и капиталом в данном случае гасится слабостью враждующих сторон и их взаимной поддержкой, что находит свое выражение в институализированных политических и экономических компромиссах. Преодоление *структурного* кризиса капитализма лишь освобождает дорогу общественным симптомам его *системного* кризиса. В другом выражении это означает: в обществе есть социальные силы, могущие преодолеть особо деструктивные состояния капиталистической системы, но нет сил, способных преодолеть *капитализм* как таковой, *рынок* как таковой, *частную собственность* как таковую. Только на этом основании можно сделать вывод, что мы имеем дело действительно с *системным* кризисом капиталистического способа производства, на который накладывается очередной *структурный* кризис.

Может показаться, что имеет место тупик: система социально ориентированного перераспределения (как единственно практически возможный вид социализма при современном уровне развития производительных сил, как *паллиативный социализм*) не может возродиться в полном объеме без революционного рабочего класса, а его материальная база – промышленность – разрушена неолиберализмом. Не утешает так же ссылка на рост мирового пролетариата в «периферийных» странах [Иглтон 2013, 206-226], ибо сам по себе его численный рост не предполагает его антибуржуазную революционность. Проблемой является именно антибуржуазная революционность рабочего класса, а не факт его существования как такового. Фактически рабочее движение ныне начинает формироваться с нуля – как в мировом, так и национальном масштабе. Можно сказать, что на революционном календаре сейчас снова – начало девятнадцатого века: до самостоятельных выступлений рабочего класса еще далеко и все, что мы видим пока – это бесплодные всплески народного гнева на площадях в Москве, Киеве, Екатеринбурге, Хабаровске, Минске, Сиэтле, Филадельфии, Миннеаполисе, Париже, Белграде, Торонто и Тель-Авиве, всплески, которые часто и легко оборачиваются против интересов самих протестующих. Неолиберальная реставрация на излете, но у пролетариата нет ни собственной организации, ни собственной программы, ни собственной воли. Вождей, правда, у него с избытком, но они ему не нужны.

Однако история не знает абсолютных тупиков. Затяжной характер современного экономического кризиса и начавшиеся на его фоне экономические и «гибридные» войны между странами капиталистического «ядра», КНР и Россией, пытающейся реанимировать интеграцию постсоветского мира, протрезвили крупный капитал и высшую политическую бюрократию держав. Стало ясно, что в этих условиях победит тот, кто развивает национальную промышленность, способствует протекционизму, расширяет

вывоз товаров, а на своем рынке замещает импорт. Неолиберальная стратегия глобальной свободной торговли этому препятствует, поэтому с необходимостью произошла смена моделей мирового экономического развития. Новая политическая и экономическая практика может быть названа *неомеркантилизмом* [Коряковцев и др. 2019].

Условием перехода к ней является смена господствующих социальных субъектов: симбиоз высшей бюрократии с промышленным капиталом при безусловной ведущей роли первой, но ценой оттеснения на вторые роли финансово-спекулятивного капитала, заинтересованного в продолжении неолиберальной политики. Конфликт интересов в этом случае неизбежен. Дело усложняется тем, что каждая из противоборствующих властных группировок контролирует часть гражданского общества и политически руководит ею – прямо или косвенно. Поэтому этот внутриклассовый конфликт способен сопровождаться гражданским конфликтом. Внешне это может выглядеть как противостояние неомеркантилистской «революции сверху» и лево-либеральной «революции снизу», на деле представляющей собой *неолиберальный реванш* финансовой олигархии, опирающейся на зависящую от нее часть гражданского общества. Социалистическая тенденция, представленная революционным, политически самостоятельным, рабочим классом, в этом конфликте не просматривается никак в силу отсутствия оногo. Новый протестный потенциал трудящихся лишь начинает заново развиваться и для его созревания необходимо время.

Тем не менее, неомеркантилистским поворотом намечена прогрессивная тенденция, состоящая в том, что развитие национальной промышленности увеличивает численность рабочего класса, усиливает зависимость от него буржуазии и бюрократии. «Верхи», оказываясь под давлением внешних и внутренних угроз, снова оказываются перед необходимостью перезапустить механизм «социального государства», пусть в скромном объеме, но, тем не

менее – в больших масштабах, чем в неолиберальную эпоху. Причем, это может происходить и без заметного давления снизу. Подобный отход от неолиберальной социальной политики уже наблюдается в России, что вызвано неблагоприятными внешнеполитическими и экономическими условиями транзита власти.

Однако не будем строить иллюзий: все это способно возродить лишь «буржуазное», потребительское состояние трудящихся и «мещанское» царство «социального государства» и «управляемой демократии».

Получается замкнутый круг. Все попытки левых энтузиастов и номенклатуры левых партий разорвать его бесплодны просто потому, что они в данных условиях с точки зрения самого буржуазного рабочего класса выглядят как борьба против общественно необходимых социальных реформ.

Где выход из этого тупика?

Революционность порождает не нищета; *нищета буржуазна*; истина нищеты – это и есть «мещанское» «социальное государство». Поэтому пресловутый *прекариат*, вопреки Г. Стэндингу и его эпигонам, вовсе не *опасный класс*, способный революционизировать общество. Социалистическую революцию в ее последовательном виде порождают развитые, но неудовлетворенные потребности индивидов. Да, неомеркантилистское возрождение промышленности накормит *это* поколение рабочего класса. Но *следующее* поколение потребует большего, относясь к достигнутому уровню как к должному. И так будет до тех пор, пока не появится такое поколение людей, которое потребует действительного богатства: не еды, не одежды, не комфортабельного жилья, не авто и даже не материнский капитал в размере ипотеки (не потому, что это поколение будет аскетичным, а потому, что это все у него уже *есть*). Что же это действительное богатство? Откройте Маркса, у него написано: «действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерой богатства будет отнюдь

уже не рабочее время, а свободное время» [Маркс 1969, 129]. И далее: «Свободное время – представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности – разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства. По отношению к формирующемуся человеку этот непосредственный процесс производства вместе с тем является школой дисциплины, а по отношению к человеку сложившемуся, в голове которого закреплены накопленные обществом знания, он представляет собой применение [знаний], экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку». [Маркс 1969, 131]

Вот тогда и придет конец капитализму и всем его превращениям.

В условиях «социального государства» (потребность в котором неизбежно формируется при нынешнем состоянии производительных сил) происходит развитие человеческих потребностей. Рано или поздно обнаружится, что потребности трудящихся не укладываются в лоно «потребительской корзины», предлагаемой «базовым доходом» или вэлфером. Какой бы широкой она ни была, но, коль скоро обладание ею обеспечивает лишь *принудительный труд* (означающий отсутствие *свободного времени*), она все равно остается узкой, недостаточной. В XIX веке во Франции вызвали массовый протест жалкие 10 франков в неделю при 14-часовом рабочем дне. Сейчас для рабочих жизнь на тысячу евро при восьмичасовом рабочем дне представляется невыносимой. К тому же, как бы ни были велики капиталы, их собственник остается их рабом, их экономической функцией, экономическая целесообразность довлеет над ним, осознает он это или нет. Отчуждение имеет всех [Маркс 174, 99]. Капиталист и пролетарий, в своем личностном развитии выходя за рамки экономической целесообразности, идут друг к другу навстречу, оба становятся *коммунистами* – если не в политическом, то в экзистенциальном смысле.

Это не утопия. Революционерами, как правило, становились выходцы из высших классов.

Т.о., мы можем констатировать, что в современном обществе «подавленного» капитализма накапливается некое «универсальное» [Маркс 1968, 228] содержание. Проще говоря, накапливаются общественные связи, выходящие за рамки самого капиталистического способа производства.

Однако данная перспектива заставляет признать, что прежняя «пролетарская теодицея» вдохновлявшая сталинистов, равно как и вера в рыночный прогрессизм, ставшая знаменем разрушения «социального государства» в конце XX века, уже исчерпали свои консолидирующие возможности. Идеология классового эгоизма испускает дух вместе с *национальным* «социальным государством». Коль скоро мировой капитализм вновь возвращается в национальные пределы при дискредитации неолиберального глобализма, то противостоять этой тенденции *в будущем* сможет только глобализированное «социальное государство» как эмпирическая цель глобализированного движения трудящихся, ставшего самостоятельным не только от буржуазии, но и от своих партийных организаций, от своей номенклатуры. Было бы странно думать в век Интернета и всеобщей грамотности, что это невозможно. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», вновь станет актуальным – но только в буквальном выражении объединения не профсоюзной и партийной бюрократии, а самих трудящихся, политически и идейно самостоятельных. Лишенные самостоятельности они способны лишь воспроизвести всю «старую мерзость» [Маркс, Энгельс 1955а, 33], как это вышло у нидерландских гезов, парижских санкюлотов, российских большевиков, английских лейбористов, германских и шведских социал-демократов, советских диссидентов, позднесоветских «неформалов», украинских майданщиков и прочих инсургентов, ставших жертвами собственной *одномерной революционности*.

Заключение.

С точки зрения логики своих учений Маркс и Ленин в своих концепциях вполне убедительны. Но много позже орбита капитализма изменилась и, кажется, что общественные законы, описанные ими, были нарушены. Какие факторы стали причиной затяжного характера системного кризиса капитализма? Ответить на этот вопрос возможно, оставаясь в рамках марксистской методологии, но используя такие приемы, которые позволили бы разглядеть ранее невидимое благодаря тому, что возник материал для нового анализа.

Во-первых, это массовое обуржуазивание промышленного рабочего класса, в силу которого он интегрировался в систему буржуазного консьюмеризма.

Во-вторых, монополия, вырастающая как аппендикс на теле капиталистического способа производства, в зародыше содержит не экономические [Ленин 1969, 362 – 363], а силовые, политико-административные, бюрократические и т.п. общественные отношения (называемые современной вульгарной социологией «неофеодальными»). В условиях мировой революции и мировых войн первой половины XX в. формируется система господства высшей политической бюрократии или *системный бонапартизм*.

Эти два фактора, определившие развитие капитализма в XX веке и определяющие его до сих пор, в XXI столетии, были зафиксированы Лениным в самом зародыше. Он не мог видеть их последствий, но их можем увидеть мы спустя сто лет.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Гильфердинг 2011 – Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 480 с.
- Голдберг 2012 – Голдберг Дж. Либеральный фашизм. – М.: Рид Групп. 512 с.
- Гэлбрейт 2004 – Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. – М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Транзиткнига»; СПб: «Terra Fantastica». 602 с.
- Ергин 2011 – Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. – М.: «Альпина Паблишер», 2011. — 960 с.
- Иглтон 2013 – Иглтон Т. Почему Маркс был прав? – М.: Карьера-Пресс. 304 с.
- Кагарлицкий 2011 – Кагарлицкий Б. Реставрация в России. – М.: Едиториал УРСС. 376 с.
- Кагарлицкий 2016a – Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. – М.: ЛЕНАНД. 456 с.
- Кагарлицкий 2016b – Кагарлицкий Б.Ю. Кризис капитализма или кризис неолиберализма? // Политэкономия кризиса. От неолиберальной экономической модели к новому социальному государству / под ред. Р.С. Дзарасова, Б.Ю. Кагарлицкого, А.В. Очкиной. – Москва : ФГБОУ ВО «ВЭУ им. Г.В. Плеханова». 13-40 с.
- Киселева 2000 – Киселева Е.В. Франция в период реставрации Бурбонов // История Европы. Т. 5. От французской революции конца XVIII века до первой мировой войны. – М.: Наука. 188-204 с.
- Колташов 2019 – Колташов В.Г. Капитализм кризисов и революций: как сменяются формационные эпохи, рождаются длинные волны, умирают реставрации и наступает неомеркантилизм. – М.: РУСАЙНС. 224 с.
- Колташов 2020 – Колташов В.Г. Посткризисная эпоха социальных реформ: какие изменения диктует природа большого кризиса 2008-2020 гг. // Труд и социальные отношения. №2. С. 15-24.

- Корнаи 1990 – Корнаи Я. Дефицит. М.: «Наука». 608 с.
- Коряковцев, Вискунов 2017 – Коряковцев А., Вискунов С. Марксизм и полифония разумов. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый. 684 с.
- Коряковцев, Колташов 2019 – Коряковцев А., Колташов В. – Новейший поворот в мировой экономике // Урал.Эксперт. № 23 (799). С. 32.
- Ревякин 2000 - Ревякин А.В. Революция 1848 года во Франции // История Европы. Т. 5. От французской революции конца XVIII века до первой мировой войны. – М.: Наука. 247 - 263 с.
- Ленин 1968 – Ленин В.И. Заметки публициста // Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 тт. Т. 19. М.: Издательство Политической литературы. 1968. С. 239-304.
- Ленин 1969 – Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы. Т. 27. С. 299-426.
- Ленин 1973 – Ленин В.И. «Маевка революционного пролетариата» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах. Т. 23. М.: Издательство политической литературы. С. 300.
- Мамардашвили 1970 – Мамардашвили М. Форма превращённая // Философская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 386-389.
- Манчук 2017 – Манчук А. Украина. Анатомия катастрофы. – М.: Алгоритм. 352 с.
- Маркс 1959 – Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 13. С. 1-167.
- Маркс 1960а – Маркс К. Капитал. Т. 1. Предисловие к первому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 23. С. 5-11.

- Маркс 1960b - Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 23. 907 с.
- Маркс 1968 – Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 46. Ч. I. 317 с.
- Маркс 1969 – Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 46. Ч. II. 244 с.
- Маркс 1974 – Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 42. С. 41-174.
- Маркс 2010 – Маркс К. Заметки по поводу книги Дж. Милля // Экономическо-философские рукописи 1844 г. и другие ранние философские работы. М.: Академический проект. С. 359-384.
- Маркс, Энгельс 1955a – Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология// Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 3. С. 7-544.
- Маркс, Энгельс 1955b. – Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 4. С. 419-459.
- Стедмен-Джоунз 2017 – Стедмен-Джоунз Д. Рождение неолиберальной политики. От Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер. – Москва ; Челябинск : Социум ; Мысль. С. 401. 522 с.
- Харви 2007 – Харви Д. Краткая история неолиберализма. – М.: Поколение. 288 с.
- Хоркхаймер 2011 – Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 224 с.

Шенэ 2017 – Шенэ М. Перманентный кризис. Рост финансовой аристократии и поражение демократии. 2017. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 144 с.

REFERENCES

Gil'ferding 2011 – Gil'ferding R. Finansovyj kapital. Novejshaya faza v razvitii kapitalizma. – М.: Knizhnyj dom «LIBROKOM». 480 s.

Goldberg 2012 – Goldberg Dzh. Liberal'nyj fashizm. – М.: Rid Grupp. 512 s.

Gelbrejt 2004 – Gelbrejt D. Novoe industrial'noe obshchestvo. – М.: ООО «Izdatel'stvo AST», ООО «Tranzitkniga»; SPb: «Terra Fantastica». 602 s.

Ergin 2011 – Ergin D. Dobycha: Vsemirnaya istoriya bor'by za neft', den'gi i vlast'. – М.: «Al'pina Pabliher», 2011. — 960 s.

Iglton 2013 – Iglton T. Pochemu Marks byl prav? – М.: Kar'era-Press. 304 s.

Kagarlickij 2011 – Kagarlickij B. Restavraciya v Rossii. – М.: Editorial URSS. 376 s.

Kagarlickij 2016a – Kagarlickij B. Periferijnaya imperiya: Rossiya i mirosistema. – М.: LENAND. 456 s.

Kagarlickij 2016b – Kagarlickij B.YU. Krizis kapitalizma ili krizis neoliberalizma? // Politekonomiya krizisa. Ot neoliberal'noj ekonomicheskoy modeli k novomu social'nomu gosudarstvu / pod red. R.S. Dzarasova, B.YU. Kagarlickogo, A.V. Ochkinoy. – Moskva : FGBOU VO «VEU im. G.V. Plekhanova». 13-40 s.

Kiseleva 2000 – Kiseleva E.V. Franciya v period restavracii Burbonov // Istoriya Evropy. T. 5. Ot francuzskoj revolyucii konca XVIII veka do pervoj mirovoj vojny. – М.: Nauka. 188-204 s.

Koltashov 2019 – Koltashov V.G. Kapitalizm krizisov i revolyucij: kak smenyayutsya formacionnye epohi, rozhdayutsya dlinnye volny, umirayut restavracii i nastupaet neomerkantilizm. – М.: RUSAJNS. 224 s.

Koltashov 2020 – Koltashov V.G. Postkrizisnaya epoha social'nyh reform: kakie izmeneniya diktuet priroda bol'shogo krizisa 2008-2020 gg. // Trud i social'nye otnosheniya. №2. S. 15-24.

Kornai 1990 – Kornai YA. Deficit. M.: «Nauka». 608 s.

Koryakovcev, Viskunov 2017 – Koryakovcev A., Viskunov S. Marksizm i polifoniya razumov. M., Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj. 684 s.

Koryakovcev, Koltashov 2019 – Koryakovcev A., Koltashov V. – Novejshij povorot v mirovoj ekonomike // Ural.Ekspert. № 23 (799). S. 32.

Revyakin 2000 - Revyakin A.V. Revolyuciya 1848 goda vo Francii // Istoriya Evropy. T. 5. Ot francuzskoj revolyucii konca XVIII veka do pervoj mirovoj vojny. – M.: Nauka. 247 - 263 s.

Lenin 1968 – Lenin V.I. Zametki publicista // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij v 55 tt. T. 19. M.: Izdatel'stvo Politicheskoy literatury. 1968. S. 239-304.

Lenin 1969 – Lenin V.I. Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 27. S. 299-426.

Lenin 1973 – Lenin V.I. «Maevka revolyucionnogo proletariata» // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij v 55 tomah. T. 23. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. S. 300.

Mamardashvili 1970 – Mamardashvili M. Forma prevrashchyonnaya // Filosofskaya enciklopediya. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1970. T. 5. S. 386-389.

Manchuk 2017 – Manchuk A. Ukraina. Anatomiya katastrofy. – M.: Algoritm. 352 s.

Marks 1959 – Marks K. K kritike politicheskoy ekonomii. Predislovie // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 13. S. 1-167.

Marks 1960a – Marks K. Kapital. T. 1. Predislovie k pervomu izdaniyu // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 23. S. 5-11.

- Marks 1960b - Marks K. Kapital. T. 1. // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 23. 907 s.
- Marks 1968 – Marks K. Ekonomicheskie rukopisi 1857—1859 godov // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 46. CH. I. 317 s.
- Marks 1969 – Marks K. Ekonomicheskie rukopisi 1857—1859 godov // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 46. CH. II. 244 s.
- Marks 1974 – Marks K. Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844 g. // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 42. S. 41-174.
- Marks 2010 – Marks K. Zametki po povodu knigi Dzh. Millyya // Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844 g. i drugie rannie filosofskie raboty. M.: Akademicheskij proekt. S. 359-384.
- Marks, Engel's 1955a – Marks K., Engel's F. Nemeckaya ideologiya// Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 3. S. 7-544.
- Marks, Engel's 1955b. – Marks K., Engel's F. Manifest Kommunisticheskoy partii // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 4. S. 419-459.
- Stedmen-Dzhounz 2017 – Stedmen-Dzhounz D. Rozhdenie neoliberal'noj politiki. Ot Hajeka i Fridmena do Rejgana i Tetcher. – Moskva ; CHelyabinsk : Socium ; Mysl'. S. 401. 522 s.
- Harvi 2007 – Harvi D. Kratkaya istoriya neoliberalizma. – M.: Pokolenie. 288 s.
- Horkkhajmer 2011 – Horkkhajmer M. Zatmenie razuma. K kritike instrumental'nogo razuma. – M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya». 224 s.
- SHene 2017 – SHene M. Permanentnyj krizis. Rost finansovoj aristokratii i porazhenie demokratii. 2017. – M.: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. 144 s.

Трехглавый дракон современного кризиса
(учение классиков марксизма о кризисе капиталистического общества; *философско-методологический аспект*).

The three-headed dragon of the modern crisis (theory of classical Marxism on the crisis of capitalist society; *philosophical and methodological aspects*)

Коряковцев Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры Социологии, философии и культурологии Уральского государственного педагогического университета (УГПУ), г. Екатеринбург, Россия

akoryakovtsev@yandex.ru ; 89126916126; 620024, Екатеринбург, ул. Плодородия, 11-7. SPIN-код: 2411-4360; AuthorID: 506023; ORCID: 0000-0002-1745-0361.

Koryakovtsev A.A., Ph. D., associate professor of Sociology, philosophy and cultural studies chair, Ural state pedagogical University, Ekaterinburg, Russia. akoryakovtsev@yandex.ru SPIN-код: 2411-4360; AuthorID: 506023; ORCID: 0000-0002-1745-0361.

Аннотация.

В статье анализируется учение классиков марксизма о кризисе капиталистического общества, взятое в философско-методологическом аспекте. Наибольшее внимание уделено «популярному очерку» Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». Ленинская теория империализма показана как развертывание на новом историческом материале идей, высказанных Марксом в «Капитале». Маркс считал, что концентрация, централизация и монополизация капиталистического производства представляет собой созревание предпосылок «экспроприации экспроприаторов», канун социальной революции, открывающий путь к посткапиталистическому общественному устройству. Ленин обращает внимание на новые тенденции в этом процессе и делает вывод, что монополистический капитализм – это конец «свободного рынка» или, иначе говоря, что империализм есть конец «чистых» капиталистических форм. Эта

мысль перекликается с идеей Маркса, высказанной им в Предисловии к первому тому «Капитала»: начинается эпоха превращения капиталистического способа производства. В статье мы предпринимаем краткий обзор послевоенной истории, рассматривая три ее эпохи («социальное государство» (включая советское общество), неолиберализм и неомеркантилизм) как формы превращения капиталистического способа производства на основе его незавершенного отрицания. Этот процесс мы трактуем как нисходящее развитие капитализма или как его системный кризис. Ни Маркс, ни Ленин не могли предвидеть всей его сложности и затянутого характера. Но в рассматриваемой ленинской работе содержатся указание на два фактора, которые стали условием этого: «обуржуазивание» промышленного класса («оппортунизм») и зарождение в монополиях неэкономических, бюрократических, связей.

Т.о., для характеристики современного капитализма совсем не обязательно опровергать Маркса и Ленина. Однако требуется сменить марксистскую социологическую оптику на более дробную. Это позволит перейти от абстрактных схем советского истмата к более точному, диалектическому, отражению экономических реалий современности.

Ключевые слова: империализм, монополия, кризис, рабочий класс, В.И. Ленин, К. Маркс, превращенная форма, капитализм, неолиберализм, неомеркантилизм.

Abstract

The article analyzes the teaching of the classics of Marxism about the crisis of capitalist society, taken in the philosophical and methodological aspects. The most attention is paid to Lenin's «popular essay» «Imperialism as the highest stage of capitalism». Lenin's theory of imperialism is shown as unfolding on new historical material the ideas expressed by Marx in «Capital». Marx believed that the concentration, centralization and monopolization of capitalist production represented

the maturation of the prerequisites for the «expropriation of expropriators», the eve of the social revolution, opening the way to a post-capitalist social order. Lenin draws attention to new trends in this process and concludes that monopoly capitalism is the end of the «free market» or, in other words, that imperialism is the end of «pure» capitalist forms. This idea echoes Marx's idea expressed in the Preface to the first volume of «Capital»: the epoch of conversion of the capitalist mode of production begins. In this article, we take a brief overview of post-war history, examining its three eras (the «social state» (including Soviet society), neoliberalism, and neomercantilism) as a forms of conversion of the capitalist mode of production on the basis of its incomplete negation. We interpret this process as a downward development of capitalism or as its systemic crisis. Neither Marx nor Lenin could have foreseen its complexity and protracted nature. But the Lenin work under consideration contains an indication of two factors that became a condition for this: the «bourgeoisization» of the industrial class («opportunism») and the emergence of non-economic, bureaucratic ties in monopolies.

Thus, to characterize modern capitalism, it is not necessary to question Marx and Lenin. However, it is necessary to change the Marxist sociological optics to a fractional one. This will allow us to move from the abstract schemes of the Soviet «historical materialism» to a more accurate, dialectical reflection of the economic realities of our time.

Key words: imperialism, monopoly, crisis, working class, V. I. Lenin, K. Marx, converted form, capitalism, neoliberalism, neomercantilism.

Введение.

В 2008 году капиталистическую экономику потряс экономический кризис. С тех пор уже много раз либеральные СМИ рапортовали о его преодолении. Но мир накрывала новая кризисная волна. Их было три: в 2008 – 09, 2013 – 16 и в 2020 году. Есть все основания для того, чтобы объединить их все в один кризис

– «Большой», по новейшей классификации В. Колташова [Колташов 2019]. Ибо, хотя между ними и наблюдалось экономическое оживление, но оно не приводило к устойчивым потокам инвестиций, к стабильному массовому спросу, следовательно, к неослабевающему экономическому росту и спад экономики начинался опять.

Более того: кризис углублялся и ширился. Он перешел на сферы политических, социальных и культурных отношений в еще недавно процветавших странах (США, Великобритания, Франция, Дания и т.д.) и способствовал росту забастовочного движения, обострению повсюду в странах ЕС социальных конфликтов на культурной почве в связи с наплывом беженцев. В европейском сообществе усилились националистические, сепаратистские и евроскептические настроения, проверяющие на прочность политические связи, сложившиеся после II мировой войны. В итоге существование самой неолиберальной экономической модели, в рамках которой развивалась последние десятилетия западная экономика, было поставлено под вопрос.

Т. о., следует признать, что кризис, начавшийся в 2008 году, продолжается уже более 10 лет и уже побил рекорд длительности, по крайней мере, среди кризисов послевоенного времени.

В данной статье мы обсудим причины его затяжного характера с точки зрения методологических приемов марксистской классики. Для этого нам необходимо обсудить особенности современного капитализма. Исходная точка его развития определена в «популярном очерке» Ленина (так он определил жанр своего произведения) «Империализм как высшая стадия капитализма», написанном в 1916 году во время эмиграции в Цюрихе.

Свое исследование Ленин начинает с анализа двух фактов, о которых сообщали многие ведущие экономисты того времени: 1. укрупнение и концентрация промышленности; 2. переход ведущей роли в экономике от находящихся друг с другом в свободной конкуренции мелких, средних и крупных частных предприятий к *монополиям*. Монополия есть так же частное предприятие, но она возникает в результате поглощения одних частных предприятий другими и по этой причине она исключает всякую конкуренцию, иначе говоря, исключает свободный рынок.

Следующей чертой «нового капитализма» Ленин считает новую роль банков [Ленин 1969, 326]. Если раньше шла речь о концентрации капиталов и монополии в сфере производства, то теперь речь идет о вытеснении свободной конкуренции в сфере организации финансов и денежного обращения. Социологически и политически это выражается в образовании особой социальной страты – *финансовой олигархии* [Ленин 1969, 344] или финансово-промышленной элиты, концентрирующей в своих руках управление производством и капиталами.

Остальные черты «нового капитализма» Ленин выводит из его новой монополистической организации. Ничем не ограниченная конкуренция из сферы национального рынка вытесняется в область международных отношений: 1) «вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение»; 2) «образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир»; 3) «закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами» [Ленин 1969, 386 – 387].

Захват монополиями «свободного рынка» (включая все эти следствия) Ленин считает достаточным, чтобы прийти к выводу, что в обществе произошел переход от «старого» капитализма к «новому», иначе говоря, к выводу о

структурной перестройке или *превращении* капиталистического способа производства в сфере его *организационных форм*.

Важно заметить, что данные изменения не замыкаются только на экономике, а касаются всего общества в целом и, так или иначе, трансформируют, *превращают* все общественные связи. Что означает господство монополий в сфере общественных отношений? Это означает, что вместо «свободы, равенства, братства» в их буржуазно-демократическом выражении, вместо горизонтальной связи между «свободными индивидами» – этой *idée fixe* либерализма, выраженной практически в виде соперничества равных по своему социальному статусу и политико-правовым возможностям экономических субъектов, происходит установление связи *вертикальной*, иерархической. Монополии стремятся поглотить не только «свободный» бизнес. Они, в той или иной политической форме, стремятся поглотить и гражданское общество как живую совокупность спонтанно развивающихся социальных отношений. Насколько успешно это им удавалось или удастся сделать и в какой политической форме – это определяется гражданским сопротивлением. Известная «антиутопия» Джека Лондона «Железная пята», опубликованная в 1908 году и художественно отразившая эти процессы, предвосхищает в этом смысле исследование Ленина. Конечно, и раньше в сфере бизнеса имелось неравенство, капитал дробился на мелкий, средний и крупный. Но теперь это неравенство было закреплено в устойчивой *иерархии*, которая уже не нависала извне над капиталистическим способом производства наподобие феодальной или государственно-бюрократической, а породилась им самим и пребывала *внутри* его самого. В результате этого «либеральные свободы» и оформляющая их представительная демократия – необходимые политические условия внутриклассовой и межклассовой борьбы – *формализуются*. Монополия, вырастающая как аппендикс на теле капиталистического способа производства, содержит в себе зародыш

неэкономических, силовых, политико-административных [Ленин 1969, 362 – 363], а точнее говоря, *бюрократических общественных отношений*. В XX веке это нашло свое воплощение в режиме «управляемой демократии», впервые описанном М. Хоркхаймером [Хоркхаймер 2011, 173]. Кажется, что в сфере идей происходит возвращение к «дискурсу» раннебуржуазной эпохи, эпохи П. Бейля, Дж. Локка и Вольтера, когда «либеральные свободы» являлись *желаемой* целью борьбы буржуазии с «авторитарным» государством. Так обычно представляет произошедшую метаморфозу либеральная пропаганда. Но в действительности в руках монополий сама идеология либерализма становится не более чем инструментом политической манипуляции и раздражителем политических и экономических конкурентов, как это было в советскую эпоху во время «холодной войны», а позже – в эпоху неолиберализма [Харви 2007, 52-55]. При этом первоначальное освободительное содержание либеральной идеологии естественным образом выхолащивается [Голдберг 2012].

Монополия, т. о., предстает как результат отрицания частного капитала внутри самого капитализма, как форма *обобществления* производства: «Когда крупное предприятие становится гигантским и планомерно, на основании точного учета массовых данных, организует доставку первоначального сырого материала в размерах: 2 / 3 или 3 / 4 всего необходимого для десятков миллионов населения; когда систематически организуется перевозка этого сырья в наиболее удобные пункты производства, отделенные иногда сотнями и тысячами верст один от другого; когда из одного центра распоряжаются всеми стадиями последовательной обработки материала вплоть до получения целого ряда разновидностей готовых продуктов; когда распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей (сбыт керосина и в Америке и в Германии американским «Керосиновым трестом»); – тогда становится очевидным, что перед нами налицо обобществление производства» [Ленин 1969, с. 425].

Но поскольку это обобществление остается еще в пределах самого капиталистического способа производства, то оно еще *формально* и является не более чем его *незавершенным отрицанием и превращением*. Как позже станет очевидным, это – исторически *первое* превращение капитализма.

Коль скоро «свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще» [Ленин 1969, 385], а ей на смену пришел империализм, который исключает свободную конкуренцию, то из этого Ленин логично делает вывод, что последний представляет собой «канун социальной революции пролетариата» [Ленин 1969, 308], канун возникновения посткапиталистического общественного устройства. Капитализм утрачивает прогрессивную, творческую общественную роль. Это означает «паразитизм» его империалистической стадии, заключающийся в том, что господство монополий и финансовой олигархии оформляется как «государство-ростовщик» [Ленин 1969, 398], которое заинтересовано не в производстве и развитии национальной промышленности, а в финансовых спекуляциях, вывозе капиталов и колониальных захватах.

Так на страницах ленинской брошюры возникает совсем иной образ буржуазии и капитализма, чем на страницах «Манифеста коммунистической партии» (1848 г.). Авторы «Манифеста», при всем своем антибуржуазном пафосе, превозносили буржуазию как класс, который «не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений» [Маркс, Энгельс 1955b, 427]. Ленин же описывает империалистическое «государство-рантье» как «государство паразитического, загнивающего капитализма...» [Ленин 1969, 399]. Классики не противоречат друг другу. Просто они говорят о разных периодах развития капиталистического способа производства.

Ленинские эскапады против «загнивающего» капитализма в советское время вызывали обычно только скептическую усмешку у обывателя, особенно на фоне кризиса самой советской системы 80-х годов. Но после распада СССР неолиберальные государства, десятилетиями пытавшиеся реставрировать «свободный рынок», выглядят как наглядный учебный материал к ленинской работе. К тому же, нужно заметить, что, говоря о «загнивании» капитализма, Ленин имел в виду не только и не столько снижение материального уровня жизни трудящихся, как обычно представляют себе его критики. «Загнивание» капитализма он связывал с тем, что в либеральной идеологии получило название «тоталитаризм», против которого современные либералы якобы борются: «Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций — все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм» [Ленин 1969, 422]. Эти слова Ленина подтверждают множество фактов постсоветской истории: бомбардировки странами НАТО Югославии, Ирака, Ливии, Сирии, ограбление Греции германскими банками [Шенэ 2017, 40-46], разорение постмайданной Украины [Манчук 2017] и т.д. «Паразитирующий» и «загнивающий» – не всегда «умирающий», но всегда мешающий жить другим.

Т. о., можно сказать, что капиталистическая *формационная эпоха* в своем «чистом» виде, в отличие от своих предшественниц, «прогрессивных эпох экономической общественной формации» [Маркс 1959, 7] («азиатский, античный, феодальный ... способы производства») просуществовала недолго – примерно лет двести, чуть более или чуть менее, в зависимости от конкретной страны (если в Англии – более двухсот лет, то в России – чуть более полувека). Капитализм в своем «чистом» выражении *саморегулирующегося рынка* оказался самым нежизнеспособным – и самым динамичным – общественно-

экономическим строем, если, конечно, понимать под ним не идеологию, а именно особую общественную систему, основанную на определенном способе производства.

Очевидно, что он так же представлял собой и самое нестабильное общество в истории. Едва жирная туша буржуазных отношений расплзлась по европейскому континенту в начале XIX века, ее стали терзать конвульсии внутренних противоречий в виде экономических кризисов. В XIX столетии они являлись несколько раз: в 1803, 1810 – 20, 1825, 1847 – 50, 1857 – 58, 1866, 1873 – 78, 1890 – 93 и 1899 годах. При этом кризисы капитализма становились мировыми в той степени, в какой он завоевывал мир.

Кроме того, в XIX столетии не менее часто происходили социальные кризисы в виде политических революций: в 1830, 1848, 1870 – 71 годах. Ленин справедливо назвал их волнами единого революционного процесса [Ленин 1968, 239-304]. Причем, они предстают в своей целостности не только и не столько как совершенствование буржуазно-либеральных институтов власти (а лишь на это, как правило, обращает внимание либеральная историография [Киселева 2000; Ревякин 2000]), но и как преддровая схватка, подготовка и прообраз всей *мировой социальной революции первой половины XX века*, до неузнаваемости преобразившей капиталистический мир.

Описанные Лениным новые черты капиталистического способа производства составляют отправной пункт общественного развития в XX веке. Они определили не только достижения современного капитализма, но и его кризисы, правда, не в той форме, какую предполагал сам Ленин и не с тем результатом, на который он надеялся. Однако, как это ни парадоксально прозвучит, данное обстоятельство не дает права упрекать его в теоретических ошибках или отклонении от марксистской методологии. Чтобы объяснить этот парадокс, мы должны предпринять небольшое методологическое исследование.

Прежде всего, обратим внимание на то, что Ленин пишет о *разных* капитализмах. Он проводит различие в самом капиталистическом способе производства и обращает внимание на разницу между его моделями, которые он представляет, как *этапы его развития*. Подобную постановку вопроса для его эпохи можно считать новаторской. Ранее в марксистской традиции, пожалуй, только сам Маркс подошел вплотную к подобной идее. (Можно еще вспомнить исследование Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» [Гильфердинг 2011], использованное Лениным. Но оно лишено таких обобщений, какие имеются в ленинской работе.) Так, в 1867 году, в Предисловии к первому тому «Капитала», он замечает: «теперешнее общество не твердый кристалл, а организм, способный к *превращениям* и находящийся в постоянном процессе *превращения*» [Маркс 1960а, 11] (выделено мной – А.К.). Этот тезис остался не развернутым, «Капитал» стал исследованием «чистых» (взятых в собственной логике) форм капиталистического способа производства, как однородное целое (имеется в виду не его внутренняя структура, а единообразие внешней формы).

Однако действительно, вся последующая история капитализма, в особенности, XX век – это история *превращенных форм* [Мамардашвили 1970] капитализма, до сих пор остающихся мало изученными.

Ленин развивает идею Маркса о превращении капитализма на новом историческом материале и воспроизводит его логику. Данный тезис пусть докажет отрывок из первого тома «Капитала», которому предшествует рассмотрение буржуазного поворота Нового времени: «Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией <у Ленина *монополизацией* – А.К.>, или экспроприацией многих капиталистов немногими,

развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда, втягивание всех народов в сеть мирового рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. *Монополия капитала* (выделено мной – А.К.) становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация <у Ленина *монополизация* – А.К.> средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [Маркс 1960b, 772 – 773].

Маркс схватывает тенденцию в самом общем виде. Он ее не проблематизирует. Это не случайно: для этого в его время еще не было накоплено достаточно исторического материала, который своей массе появился позже, в эпоху мировой революции начала XX века, в эпоху Ленина, который и начнет анализ первых форм превращения капиталистического способа производства – но только начнет. Трагедия Маркса и Ленина в том и состоит, что они не видели и не могли видеть результатов тех процессов, которые они фиксировали и драматическому развитию которых они способствовали своей

политической деятельностью. Они исходили из наличных фактов, но противоречивая природа этих фактов эмпирически еще не была раскрыта.

Тем же самым объясняются методологические проблемы марксистских школ, сформировавшихся в первой половине XX века.

Разницу между моделями капитализма можно увидеть, только если сменить оптику рассмотрения общественных процессов. Или, как удачно выразился современный экономист В. Колташов, перейти от вычленения текущих частных к макрокопированию (к рассмотрению на большом расстоянии), чередуя это взгляд как бы с большой исторической высоты на крупные общественные события и процессы с микрокопированием, с погружением в частности, в детали той или иной ситуации [Колташов 2019]. Вы не увидите никаких различий внутри предметов без микрокопирования, точно так же, как вы не поймете, как этот механизм работает и куда направлены важнейшие изменения, и какие изменения являются важнейшими без макрокопирования. Без их диалектического совмещения процесс познания останется неполон.

Однако насколько полно рассмотрен тот или иной предмет (насколько он доступен для анализа) – это зависит главным образом от степени развернутости предметных свойств. В своем незрелом состоянии предмет сам отличает себя от «иного», он находится еще «в-себе» как «твердый кристалл», выражая свои внутренние различия и противоречия только непосредственно, в «чистом», идеальном виде, без всякого рода искажений и примесей, неизбежно возникающих при практическом проявлении. Поэтому на этой стадии анализ его внутренних свойств и противоречий будет неполным: они сами по себе еще не развились, не явили миру свою подлинность. Максимум, что здесь можно сделать – обозначить наиболее вероятные тенденции его развития. Но все будет иначе, когда предмет вполне созреет и расцветет во всей своей сложности, когда

он представит миру свое внутреннее конкретное многообразие. Только тогда его анализ сможет стать наиболее многосторонним.

Так сама марксистская методология, материалистическая диалектика, заставляет нас прибегнуть к иной социологической оптике, более дробной, нежели классическая «марксистско-ленинская» дихотомия понятий «капитализм-социализм». Последняя остается в *принципе верной* для обозначения долговременных и глобальных общественных процессов, но оказывается совершенно недостаточной в силу своей абстрактности для рассмотрения общественного развития, происходящего *здесь и теперь*, в современную эпоху господства превращенных капиталистических форм. Согласно Ленину, общество рубежа XIX – XX веков имело характер, переходный к социализму. Но если этот переход в полной мере еще не завершен (что очевидно), если он обернулся переходом между разными *моделями* капитализма (что так же очевидно), которые сами имеют переходный характер, то оппозиция понятий «капитализм-социализм» не отражает все оттенки этих превращений капиталистического способа производства, все переливы его переходных моделей, все формы его разложения. В новых исторических условиях отказ от этой понятийной оппозиции в пользу понятий меньших по объему значений, есть отказ от догмы в пользу анализа и синтеза действительных знаний о новых общественных процессах и о новых общественных отношениях. Этот отказ *внешне* напоминает берштейнианскую формулу «движение все, конечная цель – ничто». Но, во-первых, данный прием лишен политического значения. Во-вторых, социальные причины, оправдывающие его использование, состоят в том, что реализация практической цели рабочего движения – удовлетворение потребностей эмпирических трудящихся – стало возможной в силу частичного преодоления капиталистического способа производства в результате революционных движений начала XX века – т. е., в обнаружении того факта, что цель социалистического движения на практике уже есть *кое-что*.

Итак, согласно Ленину, развитие капитализма «чистого», либерального, свободного от монополий и от контроля со стороны независимой от буржуазии бюрократии, завершается перерастанием в монополистический, а на рубеже столетий – в государственно-монополистический капитализм – *империализм*. Он является предшественником мировой антикапиталистической революции, открывающей социалистическую перспективу общественного развития. В этом учении Ленин повторяет логику Маркса. Обычно, когда хотят указать разницу между этими двумя мыслителями в данном вопросе, говорят, что Маркс имел в виду развитые капиталистические страны, а Россия в начале XX века не являлась таковой. Но Россия явно *развивалась* по капиталистическому пути и данное замечание не имеет никакого смысла без указания точной степени развитости, при которой может произойти антикапиталистическая революция. Такого указания у Маркса нет. Тем более что именно наиболее «развитым» капиталистическим странам, таким, как США, Франция и Великобритания, удалось избежать революции, подобной той, которая произошла в России в 1917 году. Революционные события в других капиталистических государствах (Германии, Австро-Венгрии, Испании, Италии) закончились явно не так, как хотели революционеры.

Кажется, что ленинская теория империализма, а с ним вместе и классический марксизм как таковой, оказались опровергнуты самим историческим развитием: в «развитых» странах революционное движение было погашено реформами, детище Октябрьской революции – СССР – потерпел крах. Потом произошла «реставрация» капитализма на всем постсоветском пространстве, после чего «социальное государство» на Западе было свернуто и почти повсеместно вернулись социальные практики, свойственные как раз той

модели капитализма, о «загнивании» которой писал Ленин. Даже нынешний кризис не порождает революционной альтернативы, ограничиваясь протестными движениями, чьи требования далеки от последовательной программы «могильщика капитала».

Однако суть в том, что эта ситуация выглядит как опровержение идей Маркса и Ленина, если только рассматривать ее с внеисторической, абстрактной позиции, сквозь призму понятийной дихотомии *социализм-капитализм* без их исторической конкретизации. Эта понятийная пара напоминает двцветный кубик Рубика и не важно, в чьих он руках, сторонника левых или правых идей: несмотря на мировоззренческую разницу, они легко сложат одинаковый узор, изображающий поражение социалистического движения. Только один этим будет доволен, а другой нет.

Но это ложная картина, вызванная ошибочно выбранной социологической оптикой.

Ленин оказался прав: с капитализмом свободной конкуренции, *саморегулирующегося рынка*, покончено навсегда. Вызвав к жизни революционные производительные силы, он не справился с ними. В условиях непрекращающихся мировых и локальных войн он подчинился революционному и реформистскому движению промышленного пролетариата, приспособился к потребностям индустриальных трудящихся. Произошло это в первые десятилетия XX столетия, в результате следующей *структурной перестройки* или следующего *превращения*, принявшего вид *мировой социальной революции*. Ее общественным итогом стало «социальное государство» («Sozialstaat», «welfare state»).

Данное понятие, рожденное в лоне гегельянства (оно предложено немецким гегельянцем Лоренцом фон Штейном в 1850 году), не отражает сути обозначаемого феномена и нуждается в уточнении. Тождество государственных и общественных интересов, подразумеваемое им – отнюдь не абсолютно, оно

исторически обусловлено. Оно является результатом предыдущей классовой борьбы и скрывает фундаментальные противоречия не только между классами, но и между государством и гражданским обществом как таковыми. Стоит отметить так же, что любое государство – *социально* по своим истокам и условиям существования, поэтому нет смысла противопоставлять по критерию социальности одно государство другому. «Социальное государство» – это отнюдь не характеристика государственности самой по себе, а название особой социальной политики правящих слоев, направленной на регулирование рынка с целью повышения стоимости совокупной рабочей силы. Это инструмент управления гражданским обществом, а *не субъект* управления. Как инструмент управления, оно может использоваться совершенно при разных режимах и экономических моделях. Социальный субъект, создающий «социальное государство» и его разрушающий, может быть одним и тем же.

В марксистских школах сложилась традиция сводить «социальное государство» к «подкупу» рабочего класса, на который идут правящие круги, чтобы не допустить революцию. Эта традиция восходит к самому Ленину [Ленин 1969, 423]. Мы не станем ее оспаривать, только заметим, что в XX веке «социальное государство» стало нечто большим, чем просто правительственной взяткой рабочему классу. Подобные «взятки» делались и раньше: вспомним социальные нововведения Наполеона III или Бисмарка. Тогда это было простой благотворительностью господствующего класса, не меняющей ничего в самом существе общественных связей.

Но в середине XX столетия колоссальные масштабы этих «подачек» стали симптомом деформации самого капитализма, они обозначили накопление его дисфункции как конкретного способа производства: в обществе произошло *частичное* замещение стихийных рыночных связей *механизмами сознательного опосредования общественных отношений*. Иначе говоря, рыночная стихия отступила, возросло значение *сознательного элемента* в общественном

управлении, увеличилась роль планирования и прогнозирования экономических процессов, рынок стал *управляемым* экономическими, политическими, административно-правовыми и культурными рычагами.

На основе *механизмов сознательного опосредования общественных отношений* и, следовательно, на основе растущей роли высшей бюрократии и укрепления ее политической монополии, сложилась система *перераспределения* общественного продукта. Она включает в себя разного рода формы *неэкономической оплаты* совокупной рабочей силы в виде социальных программ и «бесплатных» социальных услуг. Причиной почти повсеместного роста жизненного уровня трудящихся здесь стало не просто ограбление колоний (на это упирает Ленин). Грабить их буржуазия может, и не делаясь с пролетариатом. Непосредственной причиной преодоления абсолютного обнищания рабочего класса в «развитых» капиталистических странах стало ограничение, *незавершенное отрицание* частной собственности и рынка в форме государственного управления и на этой основе созданные институты социально ориентированного перераспределения. Работа этих институтов увенчалась тем, что промышленный пролетариат интегрировался в чиновничье-буржуазную экономическую и политическую систему общественных связей. Он стал, как бы выразился Маркс, «центром накопления капитала», «в результате чего стирается его определенность как рабочего» [Маркс 1968, 233 – 234]. Так возникает феномен *классовой полифонии*, когда один и тот же общественный индивид выполняет роли разных, даже противоположных, классов, когда он имеет разные источники дохода и, соответственно, выполняет разные классовые роли. Например, наемный рабочий, трудящийся на частном промышленном предприятии, может иметь счет в банке (быть рантье), обладая садовым участком, продавать урожай или заниматься извозом на собственном автомобиле (выступать в роли мелкого буржуа/парцеллярного крестьянина), пользоваться разного рода государственными «бесплатными» услугами

(находиться в ситуации административной зависимости) и т.д. Иначе говоря, в данном обществе отношения найма и извлечения прибавочной стоимости («классические» признаки капиталистического способа производства) переплетаются или даже вытесняются отношениями бюрократической ренты и административной зависимости (клиентелы). Рабочий класс, продолжая быть классом производителей, одновременно оказывался классом собственников и потребителей («средним классом» на слэнге современной социологии).

Это социально ориентированное перераспределение само по себе представляет собой ущемление частного характера присвоения в пользу присвоения общественного или частичное обобществление общественного продукта. Перед нами – уже не филантропия, имеющая временный и ограниченный, «индивидуально адресный», характер, а системное социально-адресное перераспределение, результат структурной перестройки всех общественных отношений или *социальной революции*.

Произошедшие изменения подразумевают, что общество пронизали иерархические связи, на верхушке которых находится бюрократическая корпорация, точнее, высшая политическая бюрократия («гранбюрократия» [Колташов 2020] или «техноструктура» [Гэлбрейт 2004]), находящаяся в симбиозе с различными группами крупного капитала, то с промышленным капиталом, то с финансовым. Нередко она действует и самостоятельно, без оглядок на капитал вообще, поглощая его, как это произошло в Советском Союзе и социально родственных ему странах или дистанцируясь от него, как сейчас (в 2020 году) в России. Она воплощает монополию политического управления гражданским обществом в духе «бонапартизма», только ставшего *системным*, играя роль «разводящего» в отношениях гражданских корпораций. Ее преимущество перед буржуазией состоит в наименьшей зависимости от рыночной стихии, а ее благосостояние зависит непосредственным образом не от прибавочной стоимости, а от бюрократической *ренды*, условием которой

является *политическая монополия*. Поэтому она исходит из задач и интересов управления, а не прибыли. Это является причиной наличия у нее большей, по сравнению с буржуазией, экономической, политической и идеологической рациональности, гибкости и маневренности, которые позволяют ей проводить такую политику, которая может идти вразрез с интересами капитала.

В конце своей работы 1916 года Ленин прибегает к двойному цитированию: он цитирует Шульце-Геверница, который, в свою очередь, приводит слова Сен-Симона: «Теперешняя анархия в производстве ... должна уступить место организации производства. ... Это дело будет находиться в руках известного социального учреждения. Центральный комитет управления, имеющий возможность обзирать широкую область социальной экономики с более высокой точки зрения, будет регулировать ее так, как это полезно для всего общества...» [Ленин 1969, 426]. Ленин упрекает Шульце-Геверница за то, что тот предпочитает Сен-Симона Марксу, но при этом марксистский классик не ставит под сомнение описанную французским мыслителем тенденцию, называя мысль о ней «гениальной догадкой» [Ленин 1969, 426].

Центральный комитет управления, о котором пишет Сен-Симон, и есть *высшая политическая бюрократия*, возникающая из описанного Лениным процесса *формального обобществления*, проводимого монополиями в рамках капиталистического производства.

Картина будет неполной, если мы не отметим, что «гранбюрократия» господствует не только в рамках национальных государств, но и на международном уровне, представленная политическими институтами, регулируемыми международными отношениями. Их примером может служить ООН, но особенно они развились и расширили свое влияние вплоть до бесцеремонного вторжения в экономику, политику и культуру суверенных государств в неолиберальную эпоху. Речь идет об МВФ, ВТО, ВБ и т.д. Можно

сказать, что неолиберальная глобализация привела к господству международной «гранбюрократии».

Сбылось пророчество Каутского: «С чисто экономической точки зрения не невозможно, что капитализм переживет еще одну новую фазу, перенесение политики картелей на внешнюю политику, фазу ультраимпериализма», т.е. свехимпериализма, объединения империализмов всего мира, а не борьбы их, фазу прекращения войн при капитализме, фазу “общей эксплуатации мира интернационально-объединенным финансовым капиталом”» [цит. по: Ленин 1969, 391]. Завершенной формы этот процесс не обрел и Ленин, ругающий Каутского за эту идею, оказался прав. Но как макросоциальная *тенденция*, препятствующая мировым войнам, «гранбюрократический ультраимпериализм» существует с середины XX века до сих пор. Конечно, подобные институты возникли вовсе не в силу внезапного добросердечия власть и собственность имущих; они возникли как их ответ на две мировые войны, на угрозу ядерной катастрофы, на острую классовую борьбу прежней промышленной эпохи. Об этом мог бы в защиту своей идеи упомянуть Каутский, защищаясь от нападок Владимира Ильича, – да откуда ж ему знать обо всем этом в самом начале XX столетия?

Речь здесь идет о *переходном* общественном состоянии, выходящем, хотя бы отчасти, за пределы «чистого» капиталистического способа производства, о *превращении* последнего. Поэтому вполне обосновано говорить о *социализме*, точнее – об определенной его стадии. Задача заключается только в том, чтобы определить, о *каком* социализме в этой связи можно говорить, не покидая почву марксизма. Будем помнить, что и сами классики в «Манифесте» выделяют несколько социализмов, отличных от «первой стадии коммунизма»: «реакционный», «феодальный», «мелкобуржуазный» и даже «буржуазный» [Маркс, Энгельс 1955, 448-453].

Перед нами, хотя еще и не социалистическое *общество*, но уже социализм *институализированный*, представленный в виде государственных учреждений и лишь в сфере перераспределения производимых обществом продуктов в пользу тех, кто их производит. Это такое состояние общественной перераспределительной системы, когда она выполняет задачу повышения совокупной стоимости рабочей силы, обеспечивая расширенное воспроизводство личностей трудящихся и освоение ими общественного богатства. Это непосредственная институализация *незавершенного процесса отрицания капитала и рынка*. Или: это *распределительный социализм* в духе проектов сенсимонистов и прудонистов, социализм *паллиативный*, и, коль скоро он заключается в интеграции рабочего класса в систему консьюмеризма, – социализм *мелкобуржуазный* и *мещанский*, чья противоречивая природа была раскрыта Марксом [Маркс 2010, 364-365], но, тем не менее, это – именно *социалистическое* общественное образование, таящее в себе перспективу некапиталистического общественного развития. Коль скоро здесь не частный интерес собственников и не возможности их капиталов определяют спрос и потребление, а совокупные финансовые возможности и потребности трудящихся, превращенных в центр накопления капитала, то перед нами – не что иное, как *экономическая диктатура пролетариата* – но пролетариата, чья самостоятельность не выходит за рамки экономических («мелкобуржуазных», «мещанских», «потребительских») требований. Это и есть то, что Маркс назвал «политэкономией <читай: буржуазной наукой, буржуазным проектом> рабочего класса».

В экономической ситуации 50-х – 60-х годов экономическая диктатура пролетариата капиталистам была выгодна: они получили массового покупателя своих товаров, получателя кредитов и социальную стабильность. Кроме того, была и политическая выгода: чересчур идейные левые оказались нейтрализованы. Продолжая бороться «против капитализма», они боролись уже

против социальной повестки, монополизированной государством и против самого рабочего класса. Так в условиях «социального государства» началась трансформация классовой природы левых партий и профсоюзов: из классовых организаций они превращались в организации чисто номенклатурные, бюрократические, имеющие собственные цели (отличные от целей эмпирического пролетариата) и логику развития, и смотрящие на социальные низы лишь как на объект управления. Эта метаморфоза прикрывалась разными идеологическими воплощениями: от догматизма сталинских и марксистско-ленинских партий до критики потребительского поведения трудящихся левыми интеллектуалами (верной, но в тех условиях бессильной).

Классовая структура капитализма так же подверглась *превращению*: зависимость друг от друга буржуазии и рабочего класса ослабла, зато усилилась зависимость их обоих от государства. Возник массовый феномен, который мы назвали выше *классовой полифонией*. *Частная собственность стала всеобщей* [Маркс 1974, 114], всеобщим стало и сознание частных собственников [Маркс 1974, 114; Коряковцев и др. 2017, 605-606].

Согласно Марксу, рабочий класс существует, только *самостоятельно* борясь против капитала, без этой борьбы он только его придаток [Маркс 1955а, 54]. По этой логике, во второй половине XX века, в условиях «социального государства» «западного» или советского типа, произошло первое, *духовное, самоуничтожение* революционного рабочего класса. Этот факт зафиксирован в двух классических исследованиях эпохи: «Adieux au prolétariat» А. Горца и «Одномерный человек» Г. Маркузе.

Возникновение «общества без оппозиции» (Г. Маркузе) обозначило очередное превращение капитализма. Вспомним рисунок Маленького принца: если удав сожрал слона, он принимает форму слона. Так и капитализм, уничтожив революционный рабочий класс, вынужденно изменился, «социализировался». Конечно, капиталистический способ производства со

всеми его кризисами и мерзостями никуда не делся, он не стал гуманнее! Но над ним стали доминировать *механизмы сознательного опосредования социальных связей* в виде правового регулирования («западный вариант») или плана (советский вариант), да еще в довесок к ним – институты социально ориентированного перераспределения. Социологически все это означало *политическое поражение гражданской буржуазии* и эмансипацию – нет, не рабочего класса, у него не появилась потребность после восьмичасового рабочего дня еще и управлять производством – а *высшей политической бюрократии*.

Эти три исторических итога нового превращения капитализма: 1. самоуничтожение революционного промышленного рабочего класса; 2. политическое поражение гражданской буржуазии; 3. возвышение бюрократической верхушки – не вписываются в теоретические рамки подавляющего большинства марксистских школ. Эти школы только *риторически* продолжают учение Маркса. На деле же они противоречат ему, ибо по отношению к рабочему классу реализуют бюрократическую установку господства: он ими мыслится как ведомый, просвещаемый «сакральным» знанием, носителем которого является только «революционная» номенклатура. Самим же трудящимся остается лишь роль объекта управления.

Зато эти три факта заставляют нас вспомнить идею Маркса, что *рабочий класс обладает революционностью, только если он политически самостоятелен, и он самостоятелен, только если он революционен* [Маркс, Энгельс 1955b, 437]

Дает ли современность нам примеры революционной самостоятельности рабочего класса?

Нет.

Массовый социально-психологический тип промышленного трудящегося, воспитанный в условиях «общества потребления», отказался от борьбы за

конечные цели пролетарской революции, которые были сформулированы Марксом и Энгельсом в «Манифесте»: освобождение от господства капитала и создание бесклассового общества.

Однако не будем по этому поводу морализировать: благодаря данной системе межклассового компромисса, просуществовавшей, правда, недолго, исчезла массовая нищета, и это произошло впервые в истории стран Европы, Азии и Северной Америки. Если рассматривать цель пролетарской революции не как реализацию абстрактных лозунгов, а как создание таких общественных условий, при которых удовлетворялись бы потребности эмпирического рабочего класса, то эта цель оказалась достигнутой. Промышленный пролетариат отказался от дальнейшей борьбы не потому, что потерпел поражение, а потому, что *победил*, но так, как только и мог победить в условиях промышленного производства: заставив буржуазию и высшую бюрократию не только создать систему социально ориентированного перераспределения, но и обратить ее на пользу трудящихся. Благодаря этому социальные низы, в невиданных ранее исторических масштабах, получили возможность осваивать предмет культуры и самим создавать его. Всякий класс заканчивает свою социальную эмансипацию освоением культуры свергнутого класса. Так французская буржуазия подражала дворянам во время режима Реставрации. Трудящиеся середины XX века освоили буржуазную культуру потребления, результатом чего стала «массовая культура» – культура *буржуазного пролетариата*.

Пролетарский «оппортунизм» приобрел столь масштабные размеры (захватив впоследствии и «социалистические» страны), что попытки Ленина объяснить его «временным загниванием» [Ленин 1969, 404], «подкупом» и успехами буржуазной пропаганды [Ленин 1969, 423] выглядят неубедительно. В подобном поведении закономерно раскрылась противоречивая социальная природа рабочего класса индустриальной эпохи: *он способен противостоять*

капиталу, но не способен противостоять самому себе, как источнику капитала.

Если в обществе отсутствует революционный класс, способный на самостоятельную политику, если многочисленные попытки левых энтузиастов организовать по примеру Ленина партию как «авангард трудящихся» постоянно терпят крах, поскольку созданные политические организации либо остаются немногочисленными сектами, либо встраиваются в господствующие политические структуры в качестве «системных партий» – как в России, так и повсюду в мире, то это означает лишь одно: общество способно развиваться лишь за счет противоречий *внутри господствующего класса*. В этом случае общественное развитие определяется борьбой между организованными группировками властей. Часто эти группировки свои и общественные проблемы стараются решать за счёт низов, используя в своих целях их протестные настроения, как это произошло в 1991 году на всем постсоветском пространстве, а в 2013-14 годах на Украине.

Антагонизм противостоящих классов в данном обществе воспроизводится, но он выходит на поверхность социальной жизни не в виде борьбы правящего класса и социальной силы, представляющей практическую альтернативу его господству, а, поскольку подобная альтернатива практически отсутствует, в виде таких форм политического противостояния, которые, по сути, являются лишь специфической формой *классового партнерства*. Иначе говоря, основное противоречие капитализма – противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения – в данном обществе сохраняет свое значение. Но острота его проявлений гасится в силу стабильно удовлетворяемых базовых потребностей трудящихся, либо их вновь приобретенных идеологических иллюзий. Кроме того, неэкономическая оплата совокупной рабочей силы означает, что ее носители находятся в административно-правовой зависимости от государства. Т.о., в данном

обществе на противоречие между трудом и капиталом накладывается противоречие между управляемыми гражданами и высшей политической бюрократией. Классовый конфликт между трудом и капиталом не выражается непосредственно, как при либеральной модели капитализма, он дополняется и опосредуется конфликтом между гражданским обществом и государством. Это двойное противоречие при стабильно работающей социально ориентированной системе перераспределения и в условиях преобладания массового потребительского сознания сообщает данной общественной модели исключительную стабильность. Монополия власти уравнивается превращением трудящихся в *бюрократическую клиентелу*.

Уязвимость национального «социального государства» кроется в другом: в дефиците ресурсов. Расцвет социально ориентированных перераспределительных практик, в особенности на Западе, приходится на первые послевоенные десятилетия, когда природные ресурсы были относительно дешевы. Но они критически дорожают вследствие краха колониальной системы в середине XX века и последующего становления независимых государств, каждое из которых воспользовалось правом распоряжаться ими в своих интересах при неослабевающем росте их мирового массового спроса. Так, например, произошло в 1973 году и обусловило крупнейший в истории энергетический кризис [Ергин 2011]. Несколько волн кризисов перепроизводства в последующее десятилетие окончательно обескровили западное «социальное государство». Оно оказалось не менее «ресурсозависимым», нежели его советский вариант. Как показал венгерский экономист Янош Корнай, дефицит ресурсов есть порождение особой экономической модели [Корнай 1990], а не симптом оскудевания природы, как полагает современная вульгарная общественная наука, идущая на поводу «зеленого» популизма.

Рецептом выхода из кризисной ситуации стал *неолиберализм*.

Пришедшие к власти в 70 – 80-х годах в западных странах неолиберальные правительства представляли собой симбиоз финансового капитала и высшей бюрократии при ведущей роли первого [Харви 2007, 48; Шенэ 2017]. Они декларировали возврат к «свободному рынку» и «либеральным ценностям» эпохи буржуазно-демократических революций, но эти лозунги они осуществили в соответствии со своими специфическими социально-политическими и социально-экономическими возможностями и целями. Доктрина «свободного рынка» предполагает приоритет прибыли над «социальной ответственностью бизнеса» даже за счет национальных интересов. В новых условиях это означало необходимость максимально удешевить национальную рабочую силу. Но удешевить ее мгновенно было невозможно, не вызвав грандиозного социального взрыва. Поэтому к вывозу товаров и капиталов был добавлен вывоз производств и технологий в страны с более дешевой рабочей силой. Это привело к ликвидации целых отраслей национальной промышленности, сокращению национального индустриального пролетариата [Харви 2007, 86]. Новые отряды рабочего класса, в виду их меньшей концентрации, неорганизованности и идейной дезориентации не представляли уже для капитала опасности. Неолиберальная политика правительств была поддержана многими профсоюзами, а так же мелкой и средней буржуазией, которую в новых экономических условиях стало тяготить налоговое бремя [Харви 2007, 58 - 87].

Важно подчеркнуть, что неолиберальная попытка буржуазной реставрации победила не благодаря заслугам капиталистов перед обществом (идеологи капитализма сами отрицают эти заслуги, провозглашая безусловную ценность частного, а не общественного, интереса), а благодаря тому, что пролетариат в предыдущую эпоху сам стал буржуазным по своему мировоззрению и психологии, разделяя ценности и логику капитализма.

Так промышленный рабочий класс капиталистического «ядра» был уничтожен второй раз в новейшей истории, но уже вместе со своей *материальной основой*, со средствами производства, которые были экспортированы в Третьи страны. Власть и собственность имущие получили возможность сократить объемы общественного продукта, перераспределяемого в пользу трудящихся. Это было сделано под прикрытием красивых слов об «адресной помощи», о «борьбе с социальным иждивенчеством» и т.д. «Золотая эпоха» welfare state закончилась.

Казалось бы, капиталистический мир пережил *реставрацию* и вернулся к своей либеральной модели, некролог которой написал Ленин 1916 году. Но не будем спешить с выводами.

Дело в том, что на практике неолиберальные правительства сохранили механизмы, регулирующие рынок, лишь переориентировав их с удовлетворения общественных потребностей на удовлетворение интересов финансового капитала и высших эшелонов государственной бюрократии [Харви 2007, 58-89; Шенэ 2017]. При этом политико-административные связи продолжили господствовать над связями экономическими (особенно в России, где преобладает бюрократическая рента в виде специфической «экономики откатов»). Нигде *гражданская* буржуазия не вернулась к политическому господству, а экономика – к домонополистическому состоянию. «Социальное государство» *институционально, формально* сохранилось. Почти повсеместно остались важнейшие социальные завоевания революционной эпохи: восьмичасовой рабочий день, пособия по безработице, больничные бюллетени, отпуска, хотя бы частично – «бесплатные» здравоохранение и образование и т.д. Сократился лишь объем перераспределяемого в пользу трудящихся общественного продукта, т.е., снизилась стоимость совокупной рабочей силы. Неолиберализм с точки зрения собственных задач остался лишь идеологией, «политикой, основанной на вере» [Стедмен-Джоунз 2017, 401], так и не став

практикой, *последовательно* реанимирующей «доимпериалистическую» модель [Харви 2017, 31]. Он доказал практически, что возврат к свободному рынку и к безраздельной власти *гражданской буржуазии* не только общественно опасен, но *уже* невозможен, утопичен. Капиталистический способ производства в данной социально-экономической модели воспроизвелся, но в качестве *уклада*, управляемого политико-правовыми инстанциями. Подчеркнем повторением: *когда* скоро это произошло, Ленин в своем понимании империализма как завершения восходящего капиталистического развития, оказался абсолютно *прав*.

Итак, мы видим, что после эпохи Ленина капитализм продолжил свое существование в «подавленном» или *превращенном* виде. Совокупность этих превращений, деформирующих капиталистический способ производства, составляет его *системный* кризис, который нужно отличать от *структурного*. Последний преодолевается самим капитализмом. Он есть симптом его нормального развития и воспроизводства. Первый свидетельствует, что в собственных недрах капитализма начинают зарождаться новые социальные отношения. Они заключаются в процессах обобществления, которые в рамках индустриального производства имеют еще *формальный* характер.

Т.о., в развитии капиталистического способа производства необходимо различать две фазы: *восходящую* и *нисходящую*. Восходящая фаза представляет его рост и расцвет, нисходящая – *системный кризис* целостной системы общественных отношений. Если в первой только зрела общественная потребность в превращении капитализма (в экономических и политических кризисах-революциях), то вторая связана с утверждением его *превращенных форм* – форм его разложения. Если в *первой* буржуазия пыталась побороть описанную Марксом тенденцию нормы прибыли к понижению, делая капитал эффективным за счет расширения рынков и ухудшения уровня жизни трудящихся, то во *второй* мировая экономическая система развивалась в

условиях относительной стабилизации нормы прибыли: либо в форме ее *максимизации*, как в западных госкорпорациях или ТНК [Гэлбрейт 2004], либо в форме ее *минимизации* посредством государственного регулирования рынком и общественным спросом, как в обществах «реального социализма», представлявших собой лишь другой вариант *превращения капиталистической системы* (но ни в коем случае не капитализм как таковой, даже не «государственный»). Если признаком *восходящей* фазы являются экономические трудности для тех, кто лишен собственности на средства производства, в результате чего «низы не хотят жить, как прежде» [Ленин 1973, 300], то признаком фазы *нисходящей* являются экономические и политические трудности для самих собственников капиталов. Эти трудности связаны с исчерпанием прежних способов и форм организации хозяйства, что заставляет собственников искать новые, ибо собственники в изменившихся условиях «не могут хозяйничать и управлять, как прежде» [Ленин 1973, 300]. Отнюдь не внезапный приступ филантропии, а нестабильность рынков, появление новых отраслей производства и технологий, отсутствие спроса на выпускаемую продукцию в силу массовой неплатежеспособности, а так же экономическая и политическая борьба промышленного рабочего класса, заставили буржуазию в середине XX столетия принять кейнсианскую стратегию «эффективного спроса», повышающую стоимость совокупной рабочей силы, значит – заставили согласиться с ведущей экономической ролью *высшей бюрократии*.

Признаки революционной ситуации, открытые Лениным, имеют своими причинами разные социальные процессы. Их наложение друг на друга и обусловило мировой революционный катаклизм первой половины XX века. В ходе него выяснилось, что преодолеть *структурный кризис* капитализма возможно, только углубляя его *системную перестройку*, поддерживая его воспроизводство лишь благодаря институтам «социального государства». Так в полном соответствии с марксистской теорией оказалось, что сам капитализм

создает свое собственное самоотрицание, и не только в виде класса, но уже и в виде институтов. Причем, это происходит не тогда, когда он плодит нищету (как полагают анархисты и некоторые марксистские школы), а как раз тогда, когда он ее *преодолеывает*, создавая условия личностного роста трудящихся и их самодеятельности. Размышления Маркса о *непосредственно-общественном* (всеобщем или универсальном) *содержании*, производимом капитализмом как предпосылке антикапиталистического переворота [Маркс 1960b, 772; Маркс 1968, 228 – 229], *дополняют* и *усложняют* схемы Манифеста Коммунистической партии.

4

Широко известны слова классика о том, что неравномерное экономическое развитие есть коренное, неизбежное условие и предпосылка капиталистического способа производства [Ленин 1969, 359 – 360]. Не трудно увидеть влияние этого тезиса на учение И. Валлерстайна о «периферийном» капитализме и капиталистическом «центре». Принято считать весь постсоветский мир капиталистической «периферией», а капиталистическим «центром» – старые буржуазные державы, даже не ставя вопрос о разнице их общественных отношений. Учение о «периферийности» российского капитализма [Кагарлицкий 2011; Кагарлицкий 2016a] препятствует пониманию специфики российского общества, да и не только его, а в целом всего послевоенного мирового развития. Коль скоро повсюду мы имеем капиталистические общества, то складывается впечатление, что смена «периферии» на «центр» – это лишь дело роста капиталистической экономики в странах «периферии». Именно так и представляет себе дело либеральная и лево-либеральная оппозиция в России: надо этот рост только подправить, либо «оптимизировать», либо «социализировать».

Однако в условиях затянувшегося экономического кризиса, ни о каком качественном росте экономики говорить не приходится – и не только в России, но и повсюду в мире. Этот кризис, а потом и последующие его волны стали результатом хозяйничанья в мировой экономике высшей политической бюрократии, находящейся в симбиозе с финансовой олигархией и торгово-спекулятивным капиталом. Выход из кризиса оказался невозможным в рамках неолиберализма, в рамках правил «Вашингтонского консенсуса». По этому поводу сложилась точка зрения, что современный кризис – это кризис не столько капитализма как такового, сколько его неолиберальной модели [Кагарлицкий 2016b, 35]. С этим необходимо согласиться. Сомнения вызывает тезис, что преодоление неолиберализма *непосредственно* связано с восстановлением системы социально ориентированного перераспределения.

В своем прежнем состоянии (середины XX столетия) эта система возникла и пережила свои лучшие годы на волне рабочего движения, в результате политического и экономического взаимодействия профсоюзов, левых партий, буржуазных кругов и высшей бюрократии. Сейчас, в начале второго десятилетия XX века, общественная ситуация не дает надежд на такое сотрудничество. Своеобразие продолжающегося ныне мирового общественного кризиса, его отличие от всех, без исключения, предыдущих социальных кризисов капиталистической эпохи, предсказанных Д. Риккардо, описанных К. Марксом, Н. Кондратьевым и Дж. М. Кейнсом, в том, что это – не только и даже не столько кризис собственно капиталистического способа производства. Это еще и кризис сил, борющихся против него. Во всем мире разворачивается кризис не только и не столько экономической власти и отношений экономического господства (в самом по себе этом нет ничего нового), сколько кризис революционного движения буржуазной эпохи в лице его идеологий, социальных сил, проектов общественного преобразования и его объективных итогов (прежде всего, имеются в виду те, которые ставит себе в заслугу

либерализм (особенно левый), социал-демократия и политический коммунизм, стало быть, это *их* кризис как идеологий и политических практик). На наших глазах разворачиваются три кризиса, взаимно дополняющих и взаимно определяющих друг друга: кризис неолиберализма (*структурный*), кризис капиталистического способа производства и кризис буржуазного общества как кризис антикапиталистических общественных движений (два последних образуют *системный кризис*). Современный кризис *трехглав*, подобно сказочному дракону. Это говорит об особенностях протекания текущих кризисных явлений, объясняет их затяжной характер и определяет перспективы их развития и возможный их исход.

Т.о., перед нашими глазами разворачивается кризис многослойный и многосоставной. Он не только глобален в смысле широты географического распространения, но и, самое главное – он *всеобщ* по степени охвата вглубь социальной структуры современных капиталистических обществ, ибо затрагивает капиталистический способ производства не только со стороны капитала или его отдельных форм, но и со стороны *труда* как элемента, социального источника капитала. Противоречие между трудом и капиталом в данном случае гасится слабостью враждующих сторон и их взаимной поддержкой, что находит свое выражение в институализированных политических и экономических компромиссах. Преодоление *структурного* кризиса капитализма лишь освобождает дорогу общественным симптомам его *системного* кризиса. В другом выражении это означает: в обществе есть социальные силы, могущие преодолеть особо деструктивные состояния капиталистической системы, но нет сил, способных преодолеть *капитализм* как таковой, *рынок* как таковой, *частную собственность* как таковую. Только на этом основании можно сделать вывод, что мы имеем дело действительно с *системным* кризисом капиталистического способа производства, на который накладывается очередной *структурный* кризис.

Может показаться, что имеет место тупик: система социально ориентированного перераспределения (как единственно практически возможный вид социализма при современном уровне развития производительных сил, как *паллиативный социализм*) не может возродиться в полном объеме без революционного рабочего класса, а его материальная база – промышленность – разрушена неолиберализмом. Не утешает так же ссылка на рост мирового пролетариата в «периферийных» странах [Иглтон 2013, 206-226], ибо сам по себе его численный рост не предполагает его антибуржуазную революционность. Проблемой является именно антибуржуазная революционность рабочего класса, а не факт его существования как такового. Фактически рабочее движение ныне начинает формироваться с нуля – как в мировом, так и национальном масштабе. Можно сказать, что на революционном календаре сейчас снова – начало девятнадцатого века: до самостоятельных выступлений рабочего класса еще далеко и все, что мы видим пока – это бесплодные всплески народного гнева на площадях в Москве, Киеве, Екатеринбургe, Хабаровске, Минске, Сиэтле, Филадельфии, Миннеаполисе, Париже, Белграде, Торонто и Тель-Авиве, всплески, которые часто и легко оборачиваются против интересов самих протестующих. Неолиберальная реставрация на излете, но у пролетариата нет ни собственной организации, ни собственной программы, ни собственной воли. Вождей, правда, у него с избытком, но они ему не нужны.

Однако история не знает абсолютных тупиков. Затяжной характер современного экономического кризиса и начавшиеся на его фоне экономические и «гибридные» войны между странами капиталистического «ядра», КНР и Россией, пытающейся реанимировать интеграцию постсоветского мира, протрезвили крупный капитал и высшую политическую бюрократию держав. Стало ясно, что в этих условиях победит тот, кто развивает национальную промышленность, способствует протекционизму, расширяет

вывоз товаров, а на своем рынке замещает импорт. Неолиберальная стратегия глобальной свободной торговли этому препятствует, поэтому с необходимостью произошла смена моделей мирового экономического развития. Новая политическая и экономическая практика может быть названа *неомеркантилизмом* [Коряковцев и др. 2019].

Условием перехода к ней является смена господствующих социальных субъектов: симбиоз высшей бюрократии с промышленным капиталом при безусловной ведущей роли первой, но ценой оттеснения на вторые роли финансово-спекулятивного капитала, заинтересованного в продолжении неолиберальной политики. Конфликт интересов в этом случае неизбежен. Дело усложняется тем, что каждая из противоборствующих властных группировок контролирует часть гражданского общества и политически руководит ею – прямо или косвенно. Поэтому этот внутриклассовый конфликт способен сопровождаться гражданским конфликтом. Внешне это может выглядеть как противостояние неомеркантилистской «революции сверху» и лево-либеральной «революции снизу», на деле представляющей собой *неолиберальный реванш* финансовой олигархии, опирающейся на зависящую от нее часть гражданского общества. Социалистическая тенденция, представленная революционным, политически самостоятельным, рабочим классом, в этом конфликте не просматривается никак в силу отсутствия оно. Новый протестный потенциал трудящихся лишь начинает заново развиваться и для его созревания необходимо время.

Тем не менее, неомеркантилистским поворотом намечена прогрессивная тенденция, состоящая в том, что развитие национальной промышленности увеличивает численность рабочего класса, усиливает зависимость от него буржуазии и бюрократии. «Верхи», оказываясь под давлением внешних и внутренних угроз, снова оказываются перед необходимостью перезапустить механизм «социального государства», пусть в скромном объеме, но, тем не

менее – в больших масштабах, чем в неолиберальную эпоху. Причем, это может происходить и без заметного давления снизу. Подобный отход от неолиберальной социальной политики уже наблюдается в России, что вызвано неблагоприятными внешнеполитическими и экономическими условиями транзита власти.

Однако не будем строить иллюзий: все это способно возродить лишь «буржуазное», потребительское состояние трудящихся и «мещанское» царство «социального государства» и «управляемой демократии».

Получается замкнутый круг. Все попытки левых энтузиастов и номенклатуры левых партий разорвать его бесплодны просто потому, что они в данных условиях с точки зрения самого буржуазного рабочего класса выглядят как борьба против общественно необходимых социальных реформ.

Где выход из этого тупика?

Революционность порождает не нищета; *нищета буржуазна*; истина нищеты – это и есть «мещанское» «социальное государство». Поэтому пресловутый *прекариат*, вопреки Г. Стэндингу и его эпигонам, вовсе не *опасный класс*, способный революционизировать общество. Социалистическую революцию в ее последовательном виде порождают развитые, но неудовлетворенные потребности индивидов. Да, неомеркантилистское возрождение промышленности накормит *это* поколение рабочего класса. Но *следующее* поколение потребует большего, относясь к достигнутому уровню как к должному. И так будет до тех пор, пока не появится такое поколение людей, которое потребует действительного богатства: не еды, не одежды, не комфортабельного жилья, не авто и даже не материнский капитал в размере ипотеки (не потому, что это поколение будет аскетичным, а потому, что это все у него уже *есть*). Что же это действительное богатство? Откройте Маркса, у него написано: «действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерой богатства будет отнюдь

уже не рабочее время, а свободное время» [Маркс 1969, 129]. И далее: «Свободное время – представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности – разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства. По отношению к формирующемуся человеку этот непосредственный процесс производства вместе с тем является школой дисциплины, а по отношению к человеку сложившемуся, в голове которого закреплены накопленные обществом знания, он представляет собой применение [знаний], экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку». [Маркс 1969, 131]

Вот тогда и придет конец капитализму и всем его превращениям.

В условиях «социального государства» (потребность в котором неизбежно формируется при нынешнем состоянии производительных сил) происходит развитие человеческих потребностей. Рано или поздно обнаружится, что потребности трудящихся не укладываются в лоно «потребительской корзины», предлагаемой «базовым доходом» или вэлфером. Какой бы широкой она ни была, но, коль скоро обладание ею обеспечивает лишь *принудительный труд* (означающий отсутствие *свободного времени*), она все равно остается узкой, недостаточной. В XIX веке во Франции вызывали массовый протест жалкие 10 франков в неделю при 14-часовом рабочем дне. Сейчас для рабочих жизнь на тысячу евро при восьмичасовом рабочем дне представляется невыносимой. К тому же, как бы ни были велики капиталы, их собственник остается их рабом, их экономической функцией, экономическая целесообразность довлеет над ним, осознает он это или нет. Отчуждение имеет всех [Маркс 174, 99]. Капиталист и пролетарий, в своем личностном развитии выходя за рамки экономической целесообразности, идут друг к другу навстречу, оба становятся *коммунистами* – если не в политическом, то в экзистенциальном смысле.

Это не утопия. Революционерами, как правило, становились выходцы из высших классов.

Т.о., мы можем констатировать, что в современном обществе «подавленного» капитализма накапливается некое «универсальное» [Маркс 1968, 228] содержание. Проще говоря, накапливаются общественные связи, выходящие за рамки самого капиталистического способа производства.

Однако данная перспектива заставляет признать, что прежняя «пролетарская теодицея» вдохновлявшая сталинистов, равно как и вера в рыночный прогрессизм, ставшая знаменем разрушения «социального государства» в конце XX века, уже исчерпали свои консолидирующие возможности. Идеология классового эгоизма испускает дух вместе с *национальным* «социальным государством». Коль скоро мировой капитализм вновь возвращается в национальные пределы при дискредитации неолиберального глобализма, то противостоять этой тенденции *в будущем* сможет только глобализированное «социальное государство» как эмпирическая цель глобализированного движения трудящихся, ставшего самостоятельным не только от буржуазии, но и от своих партийных организаций, от своей номенклатуры. Было бы странно думать в век Интернета и всеобщей грамотности, что это невозможно. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», вновь станет актуальным – но только в буквальном выражении объединения не профсоюзной и партийной бюрократии, а самих трудящихся, политически и идейно самостоятельных. Лишенные самостоятельности они способны лишь воспроизвести всю «старую мерзость» [Маркс, Энгельс 1955а, 33], как это вышло у нидерландских гезов, парижских санкюлотов, российских большевиков, английских лейбористов, германских и шведских социал-демократов, советских диссидентов, позднесоветских «неформалов», украинских майданщиков и прочих инсургентов, ставших жертвами собственной *одномерной революционности*.

Заключение.

С точки зрения логики своих учений Маркс и Ленин в своих концепциях вполне убедительны. Но много позже орбита капитализма изменилась и, кажется, что общественные законы, описанные ими, были нарушены. Какие факторы стали причиной затяжного характера системного кризиса капитализма? Ответить на этот вопрос возможно, оставаясь в рамках марксистской методологии, но используя такие приемы, которые позволили бы разглядеть ранее невидимое благодаря тому, что возник материал для нового анализа.

Во-первых, это массовое обуржуазивание промышленного рабочего класса, в силу которого он интегрировался в систему буржуазного консьюмеризма.

Во-вторых, монополия, вырастающая как аппендикс на теле капиталистического способа производства, в зародыше содержит не экономические [Ленин 1969, 362 – 363], а силовые, политико-административные, бюрократические и т.п. общественные отношения (называемые современной вульгарной социологией «неофеодальными»). В условиях мировой революции и мировых войн первой половины XX в. формируется система господства высшей политической бюрократии или *системный бонапартизм*.

Эти два фактора, определившие развитие капитализма в XX веке и определяющие его до сих пор, в XXI столетии, были зафиксированы Лениным в самом зародыше. Он не мог видеть их последствий, но их можем увидеть мы спустя сто лет.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Гильфердинг 2011 – Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 480 с.
- Голдберг 2012 – Голдберг Дж. Либеральный фашизм. – М.: Рид Групп. 512 с.
- Гэлбрейт 2004 – Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. – М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Транзиткнига»; СПб: «Terra Fantastica». 602 с.
- Ергин 2011 – Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. – М.: «Альпина Паблишер», 2011. — 960 с.
- Иглтон 2013 – Иглтон Т. Почему Маркс был прав? – М.: Карьера-Пресс. 304 с.
- Кагарлицкий 2011 – Кагарлицкий Б. Реставрация в России. – М.: Едиториал УРСС. 376 с.
- Кагарлицкий 2016a – Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. – М.: ЛЕНАНД. 456 с.
- Кагарлицкий 2016b – Кагарлицкий Б.Ю. Кризис капитализма или кризис неолиберализма? // Политэкономия кризиса. От неолиберальной экономической модели к новому социальному государству / под ред. Р.С. Дзарасова, Б.Ю. Кагарлицкого, А.В. Очкиной. – Москва : ФГБОУ ВО «ВЭУ им. Г.В. Плеханова». 13-40 с.
- Киселева 2000 – Киселева Е.В. Франция в период реставрации Бурбонов // История Европы. Т. 5. От французской революции конца XVIII века до первой мировой войны. – М.: Наука. 188-204 с.
- Колташов 2019 – Колташов В.Г. Капитализм кризисов и революций: как сменяются формационные эпохи, рождаются длинные волны, умирают реставрации и наступает неомеркантилизм. – М.: РУСАЙНС. 224 с.
- Колташов 2020 – Колташов В.Г. Посткризисная эпоха социальных реформ: какие изменения диктует природа большого кризиса 2008-2020 гг. // Труд и социальные отношения. №2. С. 15-24.

- Корнаи 1990 – Корнаи Я. Дефицит. М.: «Наука». 608 с.
- Коряковцев, Вискунов 2017 – Коряковцев А., Вискунов С. Марксизм и полифония разумов. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый. 684 с.
- Коряковцев, Колташов 2019 – Коряковцев А., Колташов В. – Новейший поворот в мировой экономике // Урал.Эксперт. № 23 (799). С. 32.
- Ревякин 2000 - Ревякин А.В. Революция 1848 года во Франции // История Европы. Т. 5. От французской революции конца XVIII века до первой мировой войны. – М.: Наука. 247 - 263 с.
- Ленин 1968 – Ленин В.И. Заметки публициста // Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 тт. Т. 19. М.: Издательство Политической литературы. 1968. С. 239-304.
- Ленин 1969 – Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы. Т. 27. С. 299-426.
- Ленин 1973 – Ленин В.И. «Маевка революционного пролетариата» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах. Т. 23. М.: Издательство политической литературы. С. 300.
- Мамардашвили 1970 – Мамардашвили М. Форма превращённая // Философская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 386-389.
- Манчук 2017 – Манчук А. Украина. Анатомия катастрофы. – М.: Алгоритм. 352 с.
- Маркс 1959 – Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 13. С. 1-167.
- Маркс 1960а – Маркс К. Капитал. Т. 1. Предисловие к первому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 23. С. 5-11.

- Маркс 1960b - Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 23. 907 с.
- Маркс 1968 – Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 46. Ч. I. 317 с.
- Маркс 1969 – Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 46. Ч. II. 244 с.
- Маркс 1974 – Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 42. С. 41-174.
- Маркс 2010 – Маркс К. Заметки по поводу книги Дж. Милля // Экономическо-философские рукописи 1844 г. и другие ранние философские работы. М.: Академический проект. С. 359-384.
- Маркс, Энгельс 1955a – Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология// Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 3. С. 7-544.
- Маркс, Энгельс 1955b. – Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 4. С. 419-459.
- Стедмен-Джоунз 2017 – Стедмен-Джоунз Д. Рождение неолиберальной политики. От Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер. – Москва ; Челябинск : Социум ; Мысль. С. 401. 522 с.
- Харви 2007 – Харви Д. Краткая история неолиберализма. – М.: Поколение. 288 с.
- Хоркхаймер 2011 – Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 224 с.

Шенэ 2017 – Шенэ М. Перманентный кризис. Рост финансовой аристократии и поражение демократии. 2017. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 144 с.

REFERENCES

Gil'ferding 2011 – Gil'ferding R. Finansovyj kapital. Novejshaya faza v razvitii kapitalizma. – М.: Knizhnyj dom «LIBROKOM». 480 s.

Goldberg 2012 – Goldberg Dzh. Liberal'nyj fashizm. – М.: Rid Grupp. 512 s.

Gelbrejt 2004 – Gelbrejt D. Novoe industrial'noe obshchestvo. – М.: ООО «Izdatel'stvo AST», ООО «Tranzitkniga»; SPb: «Terra Fantastica». 602 s.

Ergin 2011 – Ergin D. Dobycha: Vsemirnaya istoriya bor'by za neft', den'gi i vlast'. – М.: «Al'pina Pabliher», 2011. — 960 s.

Iglton 2013 – Iglton T. Pochemu Marks byl prav? – М.: Kar'era-Press. 304 s.

Kagarlickij 2011 – Kagarlickij B. Restavraciya v Rossii. – М.: Editorial URSS. 376 s.

Kagarlickij 2016a – Kagarlickij B. Periferijnaya imperiya: Rossiya i mirosistema. – М.: LENAND. 456 s.

Kagarlickij 2016b – Kagarlickij B.YU. Krizis kapitalizma ili krizis neoliberalizma? // Politekonomiya krizisa. Ot neoliberal'noj ekonomicheskoy modeli k novomu social'nomu gosudarstvu / pod red. R.S. Dzarasova, B.YU. Kagarlickogo, A.V. Ochkinoy. – Moskva : FGBOU VO «VEU im. G.V. Plekhanova». 13-40 s.

Kiseleva 2000 – Kiseleva E.V. Franciya v period restavracii Burbonov // Istoriya Evropy. T. 5. Ot francuzskoj revolyucii konca XVIII veka do pervoj mirovoj vojny. – М.: Nauka. 188-204 s.

Koltashov 2019 – Koltashov V.G. Kapitalizm krizisov i revolyucij: kak smenyayutsya formacionnye epohi, rozhdayutsya dlinnye volny, umirayut restavracii i nastupaet neomerkantilizm. – М.: RUSAJNS. 224 s.

Koltashov 2020 – Koltashov V.G. Postkrizisnaya epoha social'nyh reform: kakie izmeneniya diktuet priroda bol'shogo krizisa 2008-2020 gg. // Trud i social'nye otnosheniya. №2. S. 15-24.

Kornai 1990 – Kornai YA. Deficit. M.: «Nauka». 608 s.

Koryakovcev, Viskunov 2017 – Koryakovcev A., Viskunov S. Marksizm i polifoniya razumov. M., Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj. 684 s.

Koryakovcev, Koltashov 2019 – Koryakovcev A., Koltashov V. – Novejshij povorot v mirovoj ekonomike // Ural.Ekspert. № 23 (799). S. 32.

Revyakin 2000 - Revyakin A.V. Revolyuciya 1848 goda vo Francii // Istoriya Evropy. T. 5. Ot francuzskoj revolyucii konca XVIII veka do pervoj mirovoj vojny. – M.: Nauka. 247 - 263 s.

Lenin 1968 – Lenin V.I. Zametki publicista // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij v 55 tt. T. 19. M.: Izdatel'stvo Politicheskoy literatury. 1968. S. 239-304.

Lenin 1969 – Lenin V.I. Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 27. S. 299-426.

Lenin 1973 – Lenin V.I. «Maevka revolyucionnogo proletariata» // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij v 55 tomah. T. 23. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. S. 300.

Mamardashvili 1970 – Mamardashvili M. Forma prevrashchyonnaya // Filosofskaya enciklopediya. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1970. T. 5. S. 386-389.

Manchuk 2017 – Manchuk A. Ukraina. Anatomiya katastrofy. – M.: Algoritm. 352 s.

Marks 1959 – Marks K. K kritike politicheskoy ekonomii. Predislovie // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 13. S. 1-167.

Marks 1960a – Marks K. Kapital. T. 1. Predislovie k pervomu izdaniyu // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 23. S. 5-11.

- Marks 1960b - Marks K. Kapital. T. 1. // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 23. 907 s.
- Marks 1968 – Marks K. Ekonomicheskie rukopisi 1857—1859 godov // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 46. CH. I. 317 s.
- Marks 1969 – Marks K. Ekonomicheskie rukopisi 1857—1859 godov // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 46. CH. II. 244 s.
- Marks 1974 – Marks K. Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844 g. // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 42. S. 41-174.
- Marks 2010 – Marks K. Zametki po povodu knigi Dzh. Millyya // Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844 g. i drugie rannie filosofskie raboty. M.: Akademicheskij proekt. S. 359-384.
- Marks, Engel's 1955a – Marks K., Engel's F. Nemeckaya ideologiya// Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 3. S. 7-544.
- Marks, Engel's 1955b. – Marks K., Engel's F. Manifest Kommunisticheskoy partii // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 4. S. 419-459.
- Stedmen-Dzhounz 2017 – Stedmen-Dzhounz D. Rozhdenie neoliberal'noj politiki. Ot Hajeka i Fridmena do Rejgana i Tetcher. – Moskva ; Chelyabinsk : Sotium ; Mysl'. S. 401. 522 s.
- Harvi 2007 – Harvi D. Kratkaya istoriya neoliberalizma. – M.: Pokolenie. 288 s.
- Horkkhajmer 2011 – Horkkhajmer M. Zatmenie razuma. K kritike instrumental'nogo razuma. – M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya». 224 s.
- SHene 2017 – SHene M. Permanentnyj krizis. Rost finansovoj aristokratii i porazhenie demokratii. 2017. – M.: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. 144 s.